

The background of the entire page is a dark, abstract image featuring vertical light trails in shades of red, blue, and yellow, suggesting motion or light painting.

ОЛЕГ ДИВОВ

К-10

Олег Игоревич Дивов
К-10 (сборник)
Серия «Сборник 'К-10'»

текст представлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159089
О.Дивов К-10: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-09795-3

Аннотация

«... Эти тексты мало кто видел. До сегодняшнего дня они были знакомы только читателям специализированных журналов и тематических сборников фантастики.

Тексты очень разные. Рассказы про веселых ассенизаторов и интеллигентных взломщиков, русскую народную паранойю и наших в космосе. Кое-какие эксперименты на грани беллетристики и публицистики. Да еще странная повесть в моем любимом стиле «производственная драма»...

И все же есть объединяющий момент, позволивший без стеснения загнать всю эту разношерстицу под одну обложку. Перед вами, с позволения сказать, «творческий отчет» Олега Дивова за период 2001–2003 гг., когда у автора стало кое-что получаться в средней и малой формах.

А то, говорят, я почти три года молчал. Не-а.

Естественно, здесь все публикуется в авторской редакции, без каких-либо цензурных ограничений и поправок, под оригинальными названиями.

А теперь давайте попробуем это все прочесть.

Искренне Ваш – Олег Дивов»

В сборник вошли следующие повести и рассказы:

К-10

Параноик Никанор

Эпоха великих соблазнов

Закон лома для замкнутой цепи

Вредная профессия

Мышки-кошки

Наш гештальт в тумане светит

Мир без героев

Вредный совет молодому бойцу

Содержание

От автора	5
Часть 1	7
К-10	7
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Олег Дивов

К-10

От автора

Эти тексты мало кто видел. До сегодняшнего дня они были знакомы только читателям специализированных журналов и тематических сборников фантастики.

Тексты очень разные. Рассказы про веселых ассенизаторов и интеллигентных взломщиков, русскую народную паранойю и наших в космосе. Кое-какие эксперименты на грани беллетристики и публицистики. Да еще странная повесть в моем любимом стиле «производственная драма»...

И все же есть объединяющий момент, позволивший без стеснения загнать всю эту разношерстицу под одну обложку. Перед вами, с позволения сказать, «творческий отчет» Олега Дивова за период 2001–2003 гг., когда у автора стало кое-что получаться в средней и малой формах.

А то, говорят, я почти три года молчал. Не-а.

У каждой опубликованной здесь вещи своя оригинальная судьба. С ними и вокруг них обязательно что-то творилось в процессе написания, ни одна не пробила к читателю без выкрутасов, а некий рассказ позже взял премию в номинации «повесть». Поэтому я осмелюсь каждый раздел сбор-

ника завершить послесловием с разъяснениями – вдруг наша профессиональная «кухня» покажется вам интересной? Да, считается, что не дело автора стоять у книжного лотка и толковать покупателям, чего он своей писаниной хотел сказать и какие сногшибательные «мессэджи» туда запихнул. Автору вообще положено только кланяться и улыбаться. Если поняли неправильно и за это возлюбили – радуйся. Если поняли как раз совершенно правильно и возненавидели – снова радуйся. А когда неправильно поняли и оплевали в прессе – благодари за бесплатную рекламу... Поверьте, я не намерен объяснять что-то. Только рассказать об истории текстов и некоторых своих ощущениях, возникших по ходу работы над ними.

Естественно, здесь все публикуется в авторской редакции, без каких-либо цензурных ограничений и поправок, под оригинальными названиями.

И последнее. Возможно, сборник выскочит на прилавки раньше срока и окажется моей девятой книгой – а не десятой, как планировалось. Тем не менее волевым решением я объявляю его десятым томом своих... э-э... сочинений. Иначе чего он называется «К-10»?!. Верно? Верно.

А теперь давайте попробуем это все прочесть.

Искренне Ваши
Олег Дивов

Часть 1

К-10

К-10

Рыжики оказались порченые. Все.

Надо было, конечно, сразу насторожиться. Ох, неспроста у «десятки» вылез дефект по дизайну и неправильно прирос корректировочный чип. Но Павлов тогда лишь хмыкнул: десять процентов брака для опытной серии не трагедия, а достижение. Да и чип криво встал из-за внешнего сбоя, потому что в последний момент систему повело и режим упал. В удачной серии заключительный образец непременно выходит кривой. Примета.

И вот. И здрасте, пожалуйста.

Завлаб Павлов вывел данные тестов на бумагу, уложил в красную папку с тисненой надписью «На доклад» и пошел к

директору сдаваться.

Шефу, разумеется, уже накапали – мол, сколько возилась «тема К-10» с непрофилем, а тот возьми и сыпайся на выходных тестах. При таком раскладе надо вовремя падать на спину и задирать лапы кверху. Не ждать, пока вызовут, а самому предстать – вот он я, тупой-бездарный, жрите. Рвите когтями и поглощайте кусок за куском, довольно урча, хвостом подергивая от возбуждения, облизывая усы...

Год работы – коту ректально.

А еще фонды. А еще моральный ущерб: и репутация целой лаборатории подмокла, и личное самолюбие пострадало у всех по отдельности вплоть до последнего лаборанта – старались ведь, переживали.

А если до военных информация дойдет, тут вообще начнется... Самая эротичная часть балета. Приедут грузные дяди на черных длинных машинах, снимут огромные фуражки, почешут единственную свою извилину, четко отпечатавшуюся на лбу, и спросят: это как понимать, товарищи? Что за мину замедленного действия вы подсунули войскам? Как нам теперь к боевым изделиям относиться, коли у вас в гражданской серии такой опасный брак вылез? А вдруг эти, с позволения сказать, изделия в самый ответственный момент пошвам затрещат? Мы вроде бы оружие для русского солдата заказывали, а вы ему – чего?! Свинью?!

Ну, допустим, на свинью оно совсем не похоже.

Павлов решил идти через территорию. Так получалось

дольше.

Четверть века назад, когда будущий завлаб угодил в НИИ-ПБ, территория выглядела скромно: чахлые кустики, мелкие деревца. Зато сам Павлов был высок, широкоплеч, пышно-волос и жизнерадостен. Территория с тех пор облагородилась, превратилась в ухоженный парк, особенно приятный сейчас, золотой осенью. А вот Павлов, напротив, с годами поплохел, стал грузным шкафообразным дядькой при наме-чающейся лысине и невесторженном – вне зависимости от времени года – образе мыслей.

Павлов шел, вдыхая полной грудью вкусный загородный воздух, и думал, какие это на самом деле глупости – старый, толстый, лысеющий, занудливый... Просто он так по-дурацки себя воспринимает. Особенно если встанет не с той ноги. Или когда чего-нибудь заболит в организме прямо с ранне-го утра. И сразу отражение в зеркале наводит тоску, отдыш-ка при ходьбе по лестницам приводит в ужас, а малейший сбой в программе вызывает желание топтать ногами и орать на подчиненных... Ой, зря.

На самом-то деле он еще хоть куда мужчина. И голова по-лучше, чем у некоторых. Вообще, обрить ее надо будет, эту голову. Раз уж лысеет – не начесывать три волосины попе-рек и тем более не наращивать заново лохмы, а собраться с духом – и под ноль. Соответственно возрасту и статусу. А что, мощная получится внешность. При такой-то солидной туше...

Павлову еще долго предстояло идти, и он массу глубоких мыслей успел бы отшлифовать до состояния концепций – лишь бы не думать о провале с рыжиками и предстоящем унижении, – но тут ему на умную и пока не обритую голову нагадили.

Капитально.

Кто другой на месте Павлова, да в его обстоятельствах, выдал бы полноценную истерику, с поросычьим визгом и пусканием слюней. Но Павлов был – мужик. И биотехнолог с громадным стажем. Поэтому он секунду-другую постоял, осознавая произошедшее, затем громко выругался, погрозил небу кулачищем, повернулся кругом и зашагал обратно.

Ворона – здоровенная, сволочь, – ехидно каркая, улетела к административному корпусу. Где-то у нее там было гнездо.

Поймать бы заразу да поставить над ней серию опытов! Или просто раскрасить под попугая – и отпустить. Хотя это уже жестоко...

В отдалении чуть покачнулись кусты, потом еще раз, подалее – словно вслед за вороной бросился скрытный, но крупноватый для местного ландшафта зверь. Павлов шевеления растительности не заметил. Ему было не до того.

«Нет худа без добра, лишний раз приму душ, – успокаивал себя завлаб. – И в виварий загляну, хотел ведь, а зачем, позабыл – может, вспомню...»

Если бы на Павлова нынче не ворона, а какая-нибудь лошадь с крыльями нагадила, он бы и этому обрадовался. Бес-

сознательно, конечно. Неосознанно. До того ему не хотелось к директору идти.

Хотя от лошади, да когда она высоко летит, наверное, сотрясение мозга схлопотать можно.

* * *

В виварии оказалось непривычно тихо. Павлов, настроенный после мытья благодушно-расслабленно, ощутил неприятный укол в груди.

– Почем местечко у вас на кладбище? – спросил он дежурного лаборанта, стараясь не выказывать беспокойства и выдерживать давно натренированный для общения с подчиненными брюзгливо-ироничный тон. – Что происходит? Спят усталые игрушки?

– Нас посетил уважаемый коллега Шаронов. Вон стоит, двойку гипнотизирует. Я пытался его задержать, но вы же понимаете...

– А-а... – Павлову сразу полегчало. – Ладно, ты не виноват.

– Как они вчера котов душили, душили... – пробормотал лаборант. – Душили, душили...

Павлов в ответ только хмыкнул.

Завлаб Шаронов, орденоносец и лауреат, без пяти минут член-корреспондент, стоял перед второй клеткой, придиричливо изучая рыжика Бориса. Борис, в свою очередь, хмуро

глядел на Шаронова.

Чувствовалось: дай этой парочке сойтись во чистом поле, они подерутся.

И не факт, что Шаронов не перегрызет «двойке» горло. При всей разнице в ловкости и физической мощи. Даже с учетом того, что «двойка» – гражданский вариант боевой модели.

Борис был самый яркий из рыжиков, почти оранжевый, в едва заметную желтоватую полоску. С очень приятной интеллигентной мордой.

Восемьдесят пять сантиметров в холке.

Чудный декоративный котик. Ну, здоровый вымахал, да.

А Шаронов насквозь пропах собачьей болью и кровью. У него и физиономия-то стала бульдожья от многолетних кинологических трудов. И фразы он не произносил – вылаивал.

– Что за дизайн задних лап? – спросил Шаронов вместо приветствия. – Зачем столько шерсти вокруг голени? Как от мамонта подставки. Жуть.

При виде Павлова «двойка» слегка оживилась и подошла к решетке ближе. Завлаб Борису приветственно махнул.

– И в целом у него корма слишком тяжелая, – заявил Шаронов. – Брак?

– Здравствуй, вообще-то, уважаемый коллега. Как жизнь собачья?

– Привет, привет. Жизнь, уважаемый коллега, полосатая. По четным продольно, по нечетным поперечно. Спасибо, что

спросил. Давай не увиливай, а обоснуй свои лапы. Толстые.

– Ты чего явился? Издеваться надо мной пришел?

Шаронов одарил Павлова насмешливым взглядом.

– Слышал, у вас серия идет на мясо. Ну, я и... Пока не...

Ладно, колись, на сколько процентов эта штука – «Клинок»?

– Физически на все сто. С телом мы не работали. Только слегка вправили мозги и сменили окрас. Так что конечности, столь возбуждающие тебя, – родные, от базы.

– И чего там прячется? В шерсти.

– Этот красавец уже нагулял восемьдесят кило, а если раскачать мышцы по-боевому, имеет право до девяноста. Представляешь, какая нужна серьезная конструкция, чтобы удерживать его, когда он висит головой вниз?

– Зачем висит? Где?!

– Да где угодно. На дереве, на столбе... Где можно зацепиться когтями задних лап. А передними врага за глотку – хватать! Или по голове – бац! Ну и вообще, так спускаться удобнее.

– О-па... – восхитился Шаронов. – А я и не знал. То есть не интересовался. Тогда да. В целом одобряю. На уровне идеи. Но это ты не сам придумал. Есть такой у кого-то из виверровых. Прибамбас.

– Угадал. Мы подсмотрели сустав у гинеты, стопа выворачивается на сто восемьдесят градусов. Только гинета-то – крохотулька, а тут целый кошачий Терминатор. Сочленения выглядят мощно, но страшноовато. Вот я и решил прикрыть

их шерстью. Эти перья – для отвода глаз.

– Разумно. И все равно – не дизайн, – ввернул Шаронов.

– Я не могу переделать лапы, – сказал Павлов твердо. – Это же вмешательство в платформу. Сам понимать должен, такие серьезные изменения в опорно-двигательном сразу потянут за собой психику. А мы и без того умучились ее балансировать. Сбалансировали, ага... Нет, лапы – не буду. Ничего уже не буду...

– Тоже правильно, уважаемый коллега. Все равно кирдык.

– Это кто говорит? Шеф? Поэтому ты здесь? Явился, так сказать, донести точку зрения? Сердечно благодарен! А то непонятно, что кирдык! Вот ведь угораздило! У них там, наверху, семь пятниц на неделе. Сначала требовали, чтобы к осени кровь из носа была гражданская версия «Клинка», а теперь им как бы и не надо. Передумали. Но я-то серию – что? Запорол! Слил! Хочешь сказать, меня погладят по головке? Как же! Не в той системе трудимся... Спасибо, уважаемый коллега, что прибыл вестником грядущих наслаждений!

– Не рычи, – попросил Шаронов. – Я от себя лично. Мне и вправду интересно, чего ты тут. Нам вообще надо как-то... Плотнее. Ведь по работе, считай, почти год уже не виделись. Нет, я следил, конечно, за твоими делами. Так что осведомлен. В общих чертах... А меня, гляжу, подзабыли в «кошкином доме»! Какие у твоих подчиненных были рожи! Когда я зашел!

– Гордись, – посоветовал Павлов.

– И буду! – сказал Шаронов с чувством. – Кошатники, блин. Думаешь, не знаю, что меня твоя мелюзга Шариковым зовет? Юмористы! Ну какой я Шариков?! А?

«Вот заело беднягу», – подумал Павлов. В отличие от многих коллег он к Шаронову относился ровно. Может, потому что тот был ему совершенный антипод: энергичный пробивной дядька с установкой все делать по максимуму. Такой подход к работе сказывался на результатах – не раз и не два шароновская лаборатория плодила совершенно жутких выродков, от которых шарахались даже самые отчаянные проводники. Тем не менее, когда пошло в серию изделие «Капкан» для охраны спецобъектов, Шаронов отхватил Госпремию. Крошечная зверушка, собранная на платформе фокстерьера, гарантированно с одного укуса гробила вражеского диверсанта. А потом из института случилась утечка. И когда за рубежом оказались данные по «Капкану», на вооружение натовского спецназа тут же поступили кевларовые гильфики.

У Павлова тогда слетела с разработки очень интересная разведывательная модель. Вероятный противник, убоявшись русского военного зверья, начал отгонять от своих баз все, что размерами превышало клопа. И милые кошечки безобидной внешности – каждая по цене вертолета – стали нерентабельны. Павлов с горя чуть не запил.

Шаронов, напротив, даже глазом не моргнул. И выложил

на бочку документацию по проекту «Рубанок» – до того зубастому, что его у завлаба отняли и страшным образом засекретили. А действующую модель изделия усыпили от греха подальше. Слишком она лихо рубала направо и налево. Самого же Шаронова представили к ордену и попытались сделать замдиректора. Шаронов заявил, что должность сучья, а у него на подходе уникальный охранно-заградительный комплекс «Тиски» – готовьте еще Госпремию, ребята. Поговаривали, что вояки тогда заметно сбледнули с лица. Им и «Рубанка» хватило по самое не могу. Плохо он выглядел.

Именно Шаронов подбросил коллеге Павлову дельную мысль завязать с кисками и заняться кошками. «Бросай свою мелочовку, – сказал он. – А то ведь помрешь в неизвестности. Нужно учитывать конъюнктуру. Сейчас подходящее время спроектировать бойца. Универсального солдата. Вырасти здоровенную тварь. Закамуфлируй. Оснасти разными прибамбасами. И главное – научи ее человека слушаться. Конечно, если это в принципе возможно. И будет тебе госзаказище. И цацки всякие, прямо как у меня.

Потому что кошка твоя окажется в бою круче, а по жизни удобнее собаки.

Это даже военные сразу поймут».

«А как же ты?» – пробормотал ошалевший от напора Павлов.

«А я честный, – заявил Шаронов, надуваясь от гордости. –

Есть во мне такая фигня. До чего додумался, то и говорю. Вот, докладываю: по моим прикидкам боец переднего края, рядовой солдат, из кошки выйдет лучше, чем из собаки. Гибче. Чисто принципиально. Твоя задача это реализовать на натуре, хе-хе... Поэтому не щелкай челюстью – считай проект и заявку подавай. А если ты про творческое самолюбие, так я окончательно на защитно-караульные изделия свернул. У меня скоро „Тиски“ в серию пойдут. Они тигра задавят. Амурского с трудом, бенгальского с гарантией. Но ты-то будешь работать против кого? Против че-ло-ве-ка. Значит, справятся твои... Пуфики с лапками».

Много позже, сдавая опытную партию «Клинков», Павлов вспомнил тот разговор и понял, что годами отгонял от себя мысль – а ведь придумал-то все Шаронов! Одна брошенная вскользь фраза «оснасти всякими прибабмбасами» задала изделиям столько важнейших тактических характеристик... И сустав тот самый подсмотрели, конечно, у гинеты – но кто сказал, что вообще надо искать, смотреть, выдумывать? Без такого направления конструкторской мысли полосатики выросли бы просто большими сильными кошками. И пресловутые «Тиски» давили бы их как котят. Давили и ели.

Полосатики в серию пошли. Их уже опытный завод наклепал почти тысячу.

А рыжикам – опять Шаронов угадал – кирдык!
– Ты не Шариков, – сказал Павлов. – Утешься. Ты хороший.

– Да. Есть во мне такая фигня, – согласился Шаронов, снова рассматривая Бориса. Тот с демонстративным – чересчур – безразличием мыл себе за ушами. – У-у, пуфик с лапками... Спустить бы на тебя моего бабайчика... Посмотреть.

У Шаронова дома жил молодой туркменский алабай. Звали его в рифму – Бабаем. Шаронов уверял, что туркмен на самом деле не пес, а тот самый Ёкарный Бабай, только пока еще в начальной фазе развития – вы погодите, он вас научит родину любить. На прошлой неделе Бабай приступил. Чуть не загрыз соседского немца, который его маленького несколько раз бил. Припомнив детские обиды, здорово отдубасил матерого зверя и погнал. Овчар на ходу обкакался, и это его спасло – от двух-трех кусков дерьма Бабай увернулся, но потом схлопотал увесистый шмат прямо в нос, сбился с курса, врезался в хозяйский «Мерседес» и помял крыло. Страховщикам Шаронов честно доложил: машину ударила собака. Те не поверили.

– Рыжик драку выиграет, – сказал Павлов. – Когда его собьют и перевернут, он спокойно даст себя подмять и распорет нападающему брюхо. Теми самыми толстыми задними лапами. Типичный кошачий прием, только мы довели его до совершенства.

– Типичный? Кошачий? – переспросил Шаронов.

Павлову стало неловко.

– Ну да, я помню, это ведь ты идею подбросил. Слушай, придумай теперь чего-нибудь, а? Я тебе... Эх, была не бы-

ла! – Павлов оглянулся на дежурного лаборанта, ухватил Шаронова поперек туловища и поволок вдоль ряда клеток, от входа подальше.

Рыжики провожали завлаба и его гостя равнодушными взглядами. Они уже освоились с присутствием чужака и теперь вели себя вполне естественно. Кто-то вылизывался, кто-то нагуливал перед обедом аппетит, снуя по клетке туда-сюда. Виварий наполнился шорохами и легким топотом.

– Я дам тебе целый диск материалов по рыжикам! – громко шептал Павлов. – Они провалили тест на эмоциональный ответ, понимаешь? А у меня, кажется, окончательно замылился глаз. И я не вижу, где ошибка. Мы пытались решить проблему мозговым штурмом – завязли. Слишком глубоко в теме. Может, ты, как человек со стороны, – а? Свежим взглядом?

Шаронов хищно оскалился.

– Эмоциональный ответ? Это смотря какой у тебя... Эмоциональный вопрос! Ты хотел научить рыжих преданно смотреть на человека? Ловить каждый жест? Показывать, как они хозяина обожают? Но... Опять ты херней маешься! Некоторых хлебом не корми, дай изуродовать животное.

Ведь кошка задает совершенно особый тип общения! Да, на любителя. Но зачем ее, бедную, портить? Особачивать...

– Посмотришь техзадание, увидишь, чего от меня требуют. Родишь наводку на решение – бутылку поставлю вкусную, – пообещал Павлов. – «Курвуазье». Все равно я его не

люблю. Ну! Ты же голова!

– Да я про кошек знаю только как их жрать! Если на серьезном-то уровне.

– И нормально!

– Чего нормально? Я же предвзятый! Забыл? Говорил сто раз – у тебя сам подход неправильный! Ты всю нагрузку даешь на чип. Возишься с ним, будто он голову заменить может. Так он и заменяет ее в итоге! Вот и получают... Биороботы. Пуфики с лапками!

– И пожалуйста! Вдруг прошла системная ошибка, которой я не заметил. Потому что тоже – предвзятый. Ну поразмысли, чего тебе стоит?

– М-да-а... – Шаронов неприятно скривился, изображая лицом сочувствие. – Я, конечно, не против... В принципе, можно и ребят моих... Но... Ведь рыжая серия уже полюбому мясо! Шеф от нее отказался. Она, говорят, вообще была непрофильная. Спецзаказ какой-то.

– И про это ты знаешь... В институте хоть что-то проходит мимо тебя?

– То, что меня не интересует. Так я спрашиваю – зачем возиться с порченной серией, которую тебе не дадут перепустить? А?.. Смысл?..

– А вдруг дадут? Если будет решение, наметится выход, я же стану биться. Просить, доказывать...

– Ты когда в последний раз бился, уважаемый коллега? – фыркнул Шаронов. – В конвульсиях ты бился! Когда твоих

разведчиков прикрыли. Я же помню. Нажрался и вопил, как мир несправедлив. А потом на бюрократию пошел в атаку клином. То есть свиньей. Унитаз расколотил, сукин кот. Не помнишь?

– Знаешь, что... – начал было Павлов и осекся. Они уже подошли к дальней стене вивария. И остановились напротив десятой клетки. Пустой.

Ну, не совсем пустой. Кормушка там, например, была. И вообще, когда в клетке живут, это заметно. Хотя она и чисто прибрана, все равно – чувствуется.

Дверь клетки оказалась самую малость приоткрыта.

– Прости, но ты никогда не умел возражать начальству, – брюзжал Шаронов, накручивая себе цену. – От этого все твои беды. Вот, «кошкин дом» опять поимели. Выбрали, потому что здесь рулит Павлов, весь из себя правильный, надежный, к экспериментам не склонный. И поимели! Грубо и неконструктивно...

Павлов глядел вверх, под потолок. Там было широкое окно. По последнему осеннему теплу – распахнутое настежь. Забранное снаружи решеткой из арматурного прутка.

– Чего ты добиваешься? – Павлов развернулся к Шаронову всем корпусом, стараясь заслонить от случайного взгляда десятую клетку. – Развел тут, понимаешь, шоковую терапию. Да, я иногда веду себя как рохля. Да, я использую в работе проверенные, но, возможно, шаблонные ходы. Ну? Съел, уважаемый коллега? Мало тебе коньяка? Тогда по ста-

рой дружбе выручи. А не хочешь помочь – до свидания.

– Когти втяни, уважаемый коллега, – посоветовал Шаронов нарочито спокойно, Павлову в унисон. – И хвостом не бей. Этому разговору – который мы сейчас – уже сколько? Десятый год, я так думаю. И толку? Ты меня не слушал никогда и теперь слушать не будешь. Хотя напрасно. Ведь ты опять в своем любимом тупике. Где толкуются все биотехи скопом. Направление у вас такое. Называется загнивающий классицизм.

– Ну и пошел тогда, – сказал Павлов. – Авангардист, понимаешь, биомех продвинутый. Двигай из нашего уютного тупичка.

– Легко! – безмятежно согласился Шаронов, поворачиваясь к коллеге спиной и бодро направляясь к выходу.

– Скажу охране, чтобы тебя больше не пускали, – пообещал Павлов.

– Сам не приду! – бросил Шаронов через плечо. – Что я забыл на производстве роботов? К тому же в твоём цеху дышать нечем. Даже возле пустой клетки! И при раскрытых окнах!

Инстинктивно Павлов схватился за сердце. Оно вроде не разрывалось еще, хотя и билось куда быстрее обычного.

– Гы-ы-ы! – ненатурально рассмеялся он. – На что ты намекаешь? Чего подумал, чучело? Да у меня последняя клетка резервная!

– Как скажете, уважаемый коллега! – отозвался Шаронов

издали. – Честно говоря, мне по фиг. Я волком бы выгрыз бюрократизм! Гррррр!

Услышав профессиональный шароновский рык, некоторые рыжики заметно вострепнулись, а Борис даже подался к решетке.

– Эмоциональный! – провозгласил Шаронов. – Ответ!

Павлов, тяжело волоча обе ноги, шел вдоль клеток к выходу. Шаронов весело бросил дежурному: «Почему у котиков скрипят шестеренки, а яйца не блестят?! Непорядок!» – и исчез за дверью. Лаборант настороженно таращился на приближающегося завлаба. Он понимал – случилось нечто из ряда вон. Только пока не мог сообразить: что именно, насколько оно вон и сильно ли за это врежут.

* * *

– Ты когда обход делал? – сквозь зубы процедил Павлов.

– По графику, час назад, – осторожно сказал лаборант. – Вот, сейчас опять пойду. И все было нормально, я же следил...

– Стремянку из подсобки, быстро! – скомандовал Павлов, буквально выпихнул дежурного из-за стола, упал в кресло и схватился за телефон. И сразу положил трубку.

На подоконнике были следы когтей. Вероятно, «десятка» подтянулась и головой отжала нижний край решетки. Там сверху петли, внизу замок.

Крепеж от старости разболтался, штыри могли выскочить. Другого варианта побега Павлов не видел.

Значит, около часа «десятка» ходит, где вздумается, гуляет сама по себе. А она барышня весьма инициативная. Трехцветка, брак внутри бракованной серии. Но именно с ней постоянно возился сам Павлов. Разговаривал, играл. Просто так, для удовольствия. Нравилась она ему – прямо домой бы забрал. «Десятая», Катька, была единственной из рыжиков, кто выдавал нормальный комплекс оживания на хозяина. С ней возникала иллюзия полноценного общения. Увы, это ничего не значило – некондиция, она и есть некондиция. Тем более, Павлов целенаправленно выжимал из «десятки» эмоции, всячески ее поощрял их проявлять.

Допоощрялся.

Чудесный был котенок, такой игривый и любопытный! Впрочем, рыжики все до единого котятами оказались недурны и этим ввели Павлова в заблуждение. Увы, когда серию форсированно догнали до состояния взрослых – кошки медленно потухли. Задуманные домашними, стали как боевые, но заторможенные. Разрешите представить – изделие «Клинок», ухудшенная версия. Убитая, трам-тарарам. Глаза бы не смотрели.

Только Катька со своим неправильным дизайном и криво сидящим чипом выросла похожей на живое существо. И вот – проявила живость!

Попробует уйти за периметр? Наверняка.

Поймать бы ту паскудную ворону, тоже шибко живую, и заставить «десятку» сожрать ее. Чтобы неделю потом тошнило! Хотя это жестоко...

Павлов снова взял трубку и покрутил ее в руках. Шаронов не стуканет, порода не та. Но вот кто из своих донесет? С кем идти на поиски? Кто вообще справится – начнем с этого. Разглядеть трехцветную кошку, пусть и размером с сенбернара, в осеннем лесу – немногим легче, чем черную в темной комнате. Прятаться и красться она, зараза, умеет лучше некуда, это у нее в крови.

Или честно поступить по инструкции? Вызвонить охрану и попросить, чтобы по громкой связи передали на территорию код блокировки? И опять-таки выходить искать, пока Катька, дура, не сдохла, обездвиженная. Позор на весь институт. Да, но если кошка догадается махнуть через периметр с высокого дерева... И пойдет гулять по городу... О-о, это будет уже настоящая слава! Прямо-таки бессмертная.

Шаронов со своими знаменитыми «Тисками» отдохнет. Еще обзавидуется.

Конечно, из НИИПБ и раньше бежало зверье, какое половчее. Однажды шимпанзе удрал, долго его с осины снимали. Он кору уписывал за обе щеки и на попытки заманить спелыми бананами только ухмылялся. Зевак собралось видимо-невидимо. С детьми и собаками. Интересно же – реальное «изделие» на дереве сидит. Институт без малого градообразующее предприятие, дураков нету, каждая вторая

бабулька знает, когда над ее домом пролетает американский спутник-шпион и куда именно оптикой целится – а почему только каждая вторая? – извините, у некоторых склероз!..

Вот только у шимпа на наглой морде не написано, до чего он секретный.

Увы, «десятка» была совсем не шимпанзе. Длинношерстная, очень красивая, будто художник для поздравительной открытки рисовал. Вся рыжая с черными перьями, а грудка белая, и носочки, и еще кисточка на хвосте, и промоина на мордочке. Ну игрушка, прямо бери – и в рекламе снимай.

Кошечка, чтоб ее!.. Катька удрала до того не вовремя, что у Павлова от обиды сработало нечто вроде запредельного торможения. Он сидел с трубкой в кулаке, стремительно глупея, понимая это, злясь на себя и мечтая то ли провалиться сквозь землю, то ли впасть в анабиоз. Его угораздило очень, очень, очень полюбить рыжиков – как ни одну свою разработку. И когда в серии вскрылся дефект «по психике», Павлова вдруг заклинило. Он сначала отказался признать, что есть проблема, затем долго пытался ее обойти, решить малой кровью, а потом настало время показывать результат. И жизнь дала огромную трещину...

Лаборант принес складную лестницу и теперь стоял над душой, всячески демонстрируя покорность судьбе. Завлаб терзался сомнениями.

Минуты убегали, с ними убегала Катька.

«Сейчас позвонят и спросят: Павлов, вы совсем уже нюх

потеряли? Чего это ваша тварь экспериментальная висит на периметре, током долбанутая? Ну-ка, пожалуйста в административный на выволочку!»

Не позвонят, он трубку снял.

А они через город или на мобильный. «Старшему темы „К-10“ просьба немедленно зайти к начальнику первого отдела». Один черт.

– Десятка, иметь ее конем... – негромко сказал Павлов с невероятной тоской в голосе. – Ушла в самоволку.

Лаборант шумно сглотнул.

– Я... Посмотрю?... – с трудом выдавил он.

– Посмотри уж, любезный, – согласился Павлов. – Давай, иди. Работай пока. Я тебя потом на котлеты пушу.

Лаборант испарился. Павлов сидел, перебирая в уме имена тех, кому рискнет довериться. Набиралось прилично, и хоть это радовало. Вообще, лаборатории в НИИПБ были огого какие, «тема К-10» занимала целый корпус, народу здесь трудилось немерено. Возможно, на фоне коллеги Шаронова – с его стенобитной уверенностью в себе и перманентно эрегированным лидерством – завлаб Павлов выглядел несерьезно. Но командовать он тоже умел и, между прочим, задрать проштрафившегося человечка до состояния котлеты – мог. Иначе не дорос бы до начальника в ранге полковника.

И биться за свое дело он все еще был в состоянии.

Но только не теперь. Совершив над собой колоссальное усилие, Павлов решил звонить в охрану. Иначе нельзя. Да

и глупо. Двадцать идиотов, бегающих с выпученными глазами по территории, незамеченными не останутся. Их увидят, и начнется... С людей еще спросят за то, что не стукнули на завлаба, – обязаны ведь. Нет, Павлов лучше сдастся. Ну, ушел опытный экземпляр погулять. Оказался, паразит, умнее, чем от него ожидали. Виноватых двое, собственно завлаб и дежурный – а вот, кстати...

– Не знаю, как она щеколду научилась сдвигать, – протаторил запыхавшийся лаборант, – но она сама, это точно, вы посмотрите, там царапины от когтей! А решетка оконная снизу болтается, крепеж из стены вырван! Ну дает, зараза! Ай да Катька!

– Замки, что ли, на клетки ставить? – задумался вслух Павлов. Он держал палец занесенным над кнопкой вызова охраны, а глядел в сторону окна, и глаза его мечтательно туманились.

– Да, придется замки, – согласился лаборант, следя за пальцем. – Она, выходит, подглядывала и училась. Слушайте, это ведь очень значимый момент, правда? Это же надежда определенная, а?

– Угу, – буркнул Павлов, медленно отводя палец от кнопки и утыкая его лаборанту в грудь. – Теперь молчать. И стоять, не шевелясь.

Да, ему не послышалось, решетка снова звякнула, на этот раз громче. Кто-то там, за стеной, пробовал ее отодвинуть и влезть в окно.

Павлов представил, до какой степени Катьке неудобно, и пожалел ее. «Десятка» сейчас выполняла поистине акробатический номер, удерживаясь на стене, для лазания не приспособленной. Одна радость, что корпусу не успели сделать «косметику», и раствор между кирпичами заметно выщерблен.

– Я знал, что она вернется, – прошептал дежурный. – По вам соскучится, и...

– Тихо! Стой, гляди на меня.

– Помочь бы ей...

– Как? Высунуться и тащить за шкурку? Пусть сама. Главное, не отпугнуть. Пусть запомнит, что возвращаться – правильно.

– Главное, это точно она, а не зам по режиму или еще кто...

Решетка погромыхивала. Рыжики в клетках преспокойно занимались своими делами. Лучший знак того, что действительно не зам по режиму в окно с проверкой ломится.

Наконец о подоконник шваркнули когти. Решетка громыхнула всерьез, заглушив Катькино приземление. Павлов начал медленно-медленно поворачивать голову и косить глазом. Он не слышал шагов, но чувствовал, что «десятка» не идет в клетку. У нее было какое-то дело посерьезнее. И тут совсем рядом возникло басовитое довольное урчание.

Дежурный тихонько охнул.

В двух шагах от Павлова сидела и умывалась огромная

длинношерстная трехцветная кошка редкостной красоты.

Перед ней на полу валялась какая-то мятая куча, в реальность которой завлаб не сразу поверил.

Дохлая ворона.

Здоровенная, сволочь.

* * *

Вообще-то в НИИПБ порядки были строгие. Когда-то. Лет пятнадцать назад даже неуправляемый Шаронов просто так к уважаемому коллеге Павлову на огонек не заглянул бы. В те благословенные времена друг к другу лазали через окна второго этажа, прямо в кабинеты. Периодически зам по режиму изымал у молодых и спортивных кандидатов наук то веревку, то репшнур.

Потом кандидаты стали докторами, заматерели, расплылись и ослабели. Лазать по стенам они уже не могли, зато научились охранников уличивать и подкупать.

Потом случилась та самая утечка. Бессмысленная и беспощадная. Ибо ее кагэбэшники засекли. Так бы работать и работать, пребывая в добросовестном заблуждении: мол, потенциальная вражина ничего не знает. А тут – конец всему. Зама по науке забрали на Лубянку и вроде бы расстреляли путем инфаркта, зама по режиму посадили, директора выгнали на пенсию, темы заморозили. Институт впал в кому.

Доктора опухли от водки и поскучнели. Любезничать с

вохрой не хватало здоровья, поэтому охрану тупо запугали. Уж появилось чем. С раскрытого противником изделия – хоть такой шерсти клочок. Престарелый завлаб Голованов по кличке «Мать твою Йети» зимой разгуливал по территории с целым выводком снежных человечков и плевать хотел на всякие там спутники-шпионы. Не исключено, что спутники плевали на него в ответ – просто, наверное, не долетало.

Хуже нет, когда и враги тебя игнорируют, и родина в упор не видит.

За НИИПБ закрепилось новое прозвище – НИИ По Барбану.

Потом власть в стране опять переменялась. Слегка, но все-таки. И тогда озверевший от безделья Шаронов сорвался с цепи. Человек с замашками «через два рукопожатия выходим к Президенту», он взял и ломанулся на самый верх. Бряцая наградами. Формально он жаловался на то, что предыдущая власть – дура дурой, естественно, – отняла у него, лауреата и орденоносца, проект «Рубанок». И требовал справедливого возмездия. А если честно – лелеял надежду сообщить кому следует, что есть на свете такой «НИИ Прикладных Биотехнологий». Известный еще как НПО «Самшит» (эх, узнать бы, кто это название с потолка срисовал, и поставить над вредителем серию опытов!). Вот он, посмотрите, очень полезный институт! Загибается, но не сдаётся.

Со стороны это может показаться неправдоподобным, но в действительности на многострадальных просторах нашей

бескрайней родины и не такие объекты пропадали к чертовой матери.

Начальство обнаглевшему ученому не мешало. Оно его, скорее, молча благословило.

И Шаронов таки справился. Не через два рукопожатия и не к самому Президенту, но на влиятельное лицо в его администрации – вышел.

Каковое лицо выслушало жалобщика, ознакомилось с видеозаписью действующей модели «Рубанка» и с лица своего влиятельного прямо-таки спало. И чуть ли не за руку отвело Шаронова в самый высокий кабинет.

С перепугу, вероятно. Из чувства самосохранения.

Президент о каком-то там НИИ По Барабану и его сногшибательных изделиях слыхом не слыхивал. Верховного Главнокомандующего обрадовали коротким емким докладом с показом видеодокументов. После чего Верховный одной конечностью затребовал все данные по НИИПБ, другой позвонил министру обороны, третьей – директору ФСБ, а четвертой распорядился представить Шаронова к очередной награде. От изумления, наверное. Тут нужно, в общем, учесть, что «Рубанок» действительно очень плохо выглядел. Даже на видео. Даже модель.

Президент до того был, похоже, взволнован открывшимися перспективами, что даже проявил интерес к формальной стороне дела – слабым голосом заметил: какие у вас названия интересные! А почему, например, эта тема зовется «Ки-

но», а вот та «К-10»?

Что характерно, встречаться с Шароновым взглядом Президент избегал. Так, зыркнет коротко и глаза спрячет. Будто не верит – это ж надо, какие люди в русской оборонной науке водятся! С ног до головы в медалях, лауреатских значках, но почему-то без ошейника и намордника.

Шаронов объяснил, что первый отдел НИИПБ еле дышит, там кого не посадили, тот до сих пор под следствием, поэтому названия внутренние, рабочие. «Кино – мое хозяйство, а К-10 – это, наверное, кошки Павлова. Десятый корпус». – «Ах, институт еще и кошек делает... Очень перспективно. А почему ваша тема – Кино?» – «Цоя люблю! – схамил Шаронов. – Он же про нашу шарашку песню написал, ну, где алюминиевые огурцы на брезентовом поле и все такое».

Тут его и попросили на выход быстренько. Но главное было сделано.

Шаронов, вернувшись, нашел Павлова по внутренней и сказал: «Ставь бутылку. Я тебя отрекламировал дальше некуда». – «Где?» – «В Кремле, где! Кстати, сознавайся, почему тему назвал К-10?». Павлов чуть не лишился дара речи. В профессиональной сфере он быстро соображал и реагировал, а вот по жизни – увы. Ошарашить его было легко. «Ну, я... По созвучию. Это похоже на „киттен“. – „Ах, да ты у нас пижон, оказывается! Романтик! Киттен, значит. Пуссикэт, хе-хе... Правда, ты это не сам выдумал, а слизал с американского К-9“. – „Ты. Где. Был?“ – спросил Павлов. –

„Пиво пил!!! Тащи пузырь, все расскажу“.

Через месяц основные темы запустили по новой. Административному корпусу сделали косметiku, дорожки в парке выложили плиткой. Забор еще покрасили. Жизнь не то что забила ключом, но проявила хоть какую-то тенденцию. И даже первый отдел, заново полностью укомплектованный, вздумал показать зубы и научить распоясавшихся ученых режиму – но после того, как в секретную комнату подбросили десяток крыс, запросил мировую.

Вообще, ученому, намеренному достичь в науке высот, с «органами» лучше не ссориться. Однако в НИИПБ каждый биотех, защитивший хотя бы кандидатскую, воображал о себе, что он талантливый и уж ему-то гайки не закрутят. А еще сказывалась застарелая неприязнь к уродам, присвоившим НПО название «Самшит», из-за которого поднаторевшие в английском коллеги ласково прозвали местных «говнюки». Ну, и...

Крысы были самые обычные, так называемые черные норвежские. Просто голодные. Их слегка усыпили и вечером сдали в нормальном секретном чемодане, под роспись, чин чинарем, как рабочий материал. И кто сдавал, до завтрашнего обеда в местную командировку – брык! Ночью крысы очнулись, съели в качестве аперитива свой чемодан и пошли знакомиться с документацией. Скандал вышел душевный, не скандал, прелесть. А секретка вся погрызенная, и от пола до потолка в ошметках. Любо-дорого смотреть: кишки разные,

сердца, желудки, мозги, печенки, шерсть...

Новенький, гладкий и холеный, зам по режиму сунулся было – а там кр-р-ровищ-щ-ща!!! – и сразу на бюллетень.

Главное, эти квазичекисты быстро смекнули, что дело нечисто, ума хватило. Вычислили, кто мог напакоstitь. Только вот хозяин крыс тю-тю, а подчиненные его поголовно в отказ идут. Секретчики тогда взмолились: ребята, ну давайте по-хорошему, сделайте с крыснями своими что-нибудь, специалисты хреновы, мы же вас, вредителей, на кол посадим, закопаем, расстреляем, уволим всех до единого к такой-то матери по графе «профнепригодность»! Думаете, не получится у нас?!

В ответ – тишина. Просто-таки ни малейшего всплеска командного духа. Скорее уж циничная демонстрация полного безразличия к насущным проблемам вспомогательных служб.

А вот не надо быть с людьми излишне суровыми. Добрее надо. Тогда и улыбаться вам начнут, и с режимом шалить перестанут, и крыс за пять минут выведут научно апробированным эффективнейшим методом.

Значит, эти страдалцы в ужасе мечутся, секретку у них тем временем жрут напропалую, и тут кто-то вспоминает: да ведь кошки есть в институте, кошки, целая «тема»! Бегут к Павлову, чуть ли не в ноги кланяются. Павлов честно объясняет – мои изделия почти все с купированным охотничьим инстинктом. Ну, есть для дальней разведки. Эти, конечно,

обучены самостоятельно прокормиться, но каждый образец по цене приблизительно как пароход. И если крысы его слопают, я вам не завидую. Дуйте вон к завлабу Шаронову, у него там найдется... Живодеров на любой вкус и живогло-тов немерено. Может, одолжит некрупный экземпляр. Только вы хорошо просите. Господин Шаронов, знаете ли, к Пре-зиденту дверь ногой открывает.

А сам, едва секретчики убежали, телефон хватить и Шаро-нову: ну, уважаемый коллега, ни в чем себе не отказывай. А тот взял под мышку прототип изделия «Капкан», престарелую такую флегматичную душегубину, абсолютно седую вдоль хребта, и пошел самолично наводить порядок. Вежливо спросил разрешения приступить, запустил это чудо природы и биоинжиниринга в секретное окошечко и время за-сек.

Рядом уже околачивается который сдавал крыс – вызвали, привезли. Весь из себя оскорбленная невинность и бедная овечка. С ним и директор новый пришел. Жесткого харак-тера мужчина, только-только впервые овладевший собствен-ным институтом и намеревающийся всех тут построить. А у директора – знать надо такие вещи – пунктик. Он как-то сболтнул, мол, идти по жизни с грифом «top-secret» на лбу совершенно умаялся, просто деваться уже некуда, слишком высоко забрался, а ведь есть такое мнение, что работа в за-крытых учреждениях стопроцентную Нобелевку ему обло-мала.

За секретной дверью – смертоубийство. Там мочат зверски, аж уши закладывает. Который сдавал крыс, делает похоронное выражение лица и говорит: ну-с, товарищи хорошие, пишите объяснительные. И готовьтесь возмещать убытки в шестикратном размере. «Товарищи» ему: да вы, сударь, чистый диверсант! Ужо мы тебя! Тот: а кто на меня стучалку написал, мол, я не все сдаю? Ну, я и сдал вам. На ответственное хранение. Под роспись. И чего, как самочувствие? Жалобы и предложения есть? Угробили мне ценнейшие образцы, так лучше прикиньтесь шлангами. Пока я сам на вас не стукнул куда повыше.

В это время мочилово за дверью обрывается резко, будто его выключили. И только чавканье довольное слышно. Шаронов глядит на секундомер. Директор: сколько? Шаронов: десять секунд с мелочью. Директор: ничего выдающегося, так и буфетьер может. Шаронов: да, но мой-то красавец натуральный старпер и почти нормальная собака, прототип «Капкана» в третьем колене, ему уже двенадцатый год! И учили его работать по людям, между прочим!

Зам по режиму слабым голосом спрашивает: что, уже можно? Шаронов ему – да, пожалуйста. Ну, тот дверь приоткрыл опасливо. Выходит наружу дедушка «Капкана», задумчиво жуя. Совершенно мерзавски окровавленный с носа до кормы. Шаронов ему щелкнул, тот к ноге прибрался, и ушли они к себе отмываться. Шаронов еще спросил на прощанье – мне хотя бы спасибо кто-нибудь скажет? Но тут из секретки

послышался вой – какой, бывает, издает теряющий рассудок человек, – и стало не до благодарностей.

Зато слух об укрощении строптивых облетел НИИПБ буквально за день, и с тех пор зажили разные службы института душа в душу.

И вообще как-то все наладилось и успокоилось. И работа шла очень успешно по всем темам. Пока Шаронов не довыпендривался с «Тисками». Но это оказался единичный случай, хоть и наделавший много шума. А потом завлаб Павлов, триумфально сдав госкомиссии своих полосатиков, вдруг получил заказ на гражданскую версию изделия «Клинок»...

Надо было, конечно, сразу насторожиться. Но Павлов как прочел задание, да вообразил, насколько потрясная выйдет из полосатика домашняя кошка – настоящая дорогая игрушка для взрослых, – с ним временное помрачение рассудка от восторга случилось. У него еще свой кот умер от старости незадолго до.

Легко представить, каким мечтаниям завлаб предавался и до чего ему стало грустно, когда все пошло наперекосяк.

* * *

Ближе к вечеру позвонил директор.

– Как развиваются события на вверенном вам направлении? – спросил он холодно.

– Жертв и разрушений нет, – сказал Павлов. – Я собирал-

ся лично доложить по некоторым позициям, но, кажется, сегодня не успеваю.

– Доложить – это хорошо. А что ваши образцы? Э-э... Не шалят?

Павлову уже хватило мощных эмоций для одного дня, поэтому он счел за лучшее промолчать.

– Ладно, – сказал директор, секунду-другую послушав шумное сопение в трубке. – Вы это... Так зайдите, без доклада. Есть дело.

Павлов в ответ утвердительно вздохнул.

– И не пытайтесь меня разжалобить, – утешил его директор. – У всех работы много. Все еле дышат. Давайте, шевелите ложноножками.

Павлов собрался с духом – и зашевелил, чем приказано. Очень хотелось завершить дневную прогулку через территорию, зачищенную Катькой от супостата, но директор такой проволочки не понял бы.

Сама Катька, обожравшаяся сметаны из личного завлабовского фонда, дрыхла в клетке, запертой на амбарный замок. Ворону утилизировали, оконную решетку закрепили. Поди теперь докажи что-нибудь. Если, конечно, трехцветка не угодила под одну из камер слежения. Хотя с какой стати. На территории камер нет, большая слишком, ее только ночью тепловизором сканируют...

Директор оказался привычно сух и невозмутим. Расположившись за журнальным столиком в углу кабинета, он нали-

вал коньяк генералу Бондарчуку, толстому и краснолицему министерскому куратору НИИПБ.

– Павлов, дорогуша! А вот с нами давай! – обрадовался Бондарчук.

– Действительно, – согласился директор, пододвигая завлабу рюмку. – Садитесь, Павлов. Выпьем за успех нашего общего далеко не безнадежного дела.

Французских коньяков Павлов не любил – сразу вспоминалась студенческая общага, в любое время года, дня и ночи пахнувшая свежераздавленным клопом. Но отказывать старшим по должности и званию было как-то неудобно.

Генерал свою рюмку осушил залпом, директор просмаковал, Павлов слегка пригубил.

– Так что было дальше, – сказал директор, обращаясь к генералу. – Она запрыгивает на пожарную лестницу, за каких-то несколько секунд поднимается на четыре этажа и просачивается в чердачное окно. При ее габаритах это совсем не просто, настоящая акробатика. На чердаке начинается тарарам, а через минуту кошка выбирается наружу с вороной в зубах!..

«Какой я идиот! – с горечью подумал Павлов. – Надеялся скрыть Катькин побег от своих. А тут дай Бог отмазаться от министерства! Если шеф рассказывает о Катке генералу, значит, у того есть информаторы здесь. И нужно действовать на опережение, красиво подать некрасивую историю, чтобы наверху не думали, будто у нас бардак. А вот фигушки, про-

сто такой гениальный зверь появился. Чуть не надорвались, выращивая. Ой, как стыдно...»

— ...Спускается вниз чуть медленнее, — продолжал директор, — но тоже в достойном темпе, и уходит обратно. Прямым к себе в корпус. По кирпичной стене — вы только представьте — лезет к решетке, поддевает ее сначала носом, у нее не выходит, тогда она использует переднюю лапу, решетку отжимает, ныряет внутрь — и конец спектаклю. Неплохо?

Бондарчук посмотрел на завлаба и выпятил челюсть.

— Есть пистолет? — спросил Павлов генерала. — Мне на минутку, застрелиться.

— Перестаньте, — распорядился директор. Почти скомандовал. В институте такую его манеру знали и не удивлялись. Просить, уговаривать, реагировать на шутки и вообще располагать к себе этот шеф не умел. Или не считал нужным.

— Ты молодец. — Бондарчук от души хлопнул Павлова по плечу. — Не стоишь на месте, развиваешься. Новая модель нам пригодится.

Павлов хотел было сообщить, какая она новая, эта модель, но поймал острый взгляд директора и только кивнул. Захотелось выпить, пусть даже французского. Завлаб опрокинул в рот остатки коньяка.

— Ну, это не новое изделие, а просто версия «Клинка», — сказал директор. — Мы пробуем сейчас разные варианты, какие-то более раскрепощенные, какие-то менее. Трудно найти грань, за которой заканчивается разумная инициатива бойца

и начинается опасная самостоятельность.

– Да уж! – подтвердил Бондарчук и слегка поежился.

– Экссессов больше не будет, – произнес директор негромко, но чертовски убедительно. Павлов давно заметил за шефом такое умение – брать не голосом, а интонацией. «Далеко пойдет», – в который раз подумал завлаб и мысленно пожелал директору пойти как можно дальше, а главное, поскорее.

– Верю, – согласился генерал и поглядел на бутылку. – Ладно, давайте выпьем за предстоящий бенефис. Между прочим, дорогуша, твой. – Он ткнул пальцем в сторону завлаба.

– А чего я-то? – привычно набычился Павлов.

– Вы еще скажите «чуть что, сразу я», – предложил директор, разливая по новой.

– Кстати, да, – поддержал его Бондарчук. – Тебя, дорогуша, когда в последний раз дергали? Ты предварительной комиссии сдавал полосатых – вот. Поэтому... Будь!.. Значит, порядок такой. Послезавтра в восемь ноль по Москве я тебя забираю прямо из дома. Едем на полигон. И там представляем изделие министру. Официальное представление, ясно? Будешь, дорогуша, толкать речь от института.

Павлов обескураженно посмотрел на директора. Тот едва заметно поджимал губы.

– Мне не по чину. У вас же заместители...

– Представлять «Клинок» поедет тот, кто его делал, – ска-

зал директор. – Это приказ. У секретаря ознакомитесь и распишетесь.

Павлов устался в рюмку. Официальное представление новой модели оружия министру обороны – церемония формальная. Она лишь означает, что успешно закончены испытания в войсках, отчеты у министра на столе и положительное решение по оружию принято. Тем не менее соберется вся верхушка, заслушает разработчика и испытателей, посмотрит, как изделие действует на полигоне... Выскажет одобрение. Ну, и банкет. Может, вся возня исключительно для банкета затевается. На таких банкетах проводят очень серьезные переговоры и решают очень большие вопросы.

А еще участие в представлении – статусная, знаковая вещь. Раз директор не едет, значит, никак не может. Это же трагедия для подрядчика – не засветить лишний раз фамилию и лицо! И то, что шеф посылает отдуваться завлаба...

– Ну, это хотя бы по-честному! – ляпнул вслух Павлов.

И, услышав свой голос, едва не выпал из кресла.

– Именно так, – подтвердил директор, чуть щуря глаза. Не понять было, то ли он злится, то ли новым взглядом оценивает своего подчиненного. – Именно.

Павлов что-то неразборчиво буркнул и залился краской. Бондарчук давился беззвучным смехом.

– Тема ваша, ну и дерзайте. Потом, извините за прямоту, у вас на лице написано, что врать не умеете. Министр таких людей ценит. Вы произведете впечатление, институт зарабо-

тает дополнительные очки.

«Да, полюбить тебя нереально, – подумал Павлов, – но уважать есть за что».

– И выступать на публике ты силен, – вставил Бондарчук. – Шевельни головным мозгом, придумай эффектный ход. Как в прошлый раз. Чтоб офигели все.

– Это был опасный трюк, – сказал директор. – Они ведь могли действительно офигеть...

Павлов улыбнулся. Когда министерская комиссия приехала решать вопрос, готов ли «Клинок» к испытаниям в войсках, завлаб вперед себя запустил четырех полосатиков. Генералы начали хвататься за отсутствующие пистолеты. А кошки выходили на середину комнаты и садились рядочком. И весь доклад просидели, не шелохнувшись. А потом встали и ушли, тоже первыми. Фокус простой – из-за двери помощник команды подавал. Для человека в комнате щелчки были на грани слышимости. И казалось, огромные коты повинуются не то телепатическому приказу, не то магии. Генералы долго отдувались, но качество работы оценили выше некуда.

Наверное, устраивать такое всего через год после конфуза с шароновскими «Тисками» – чтоб их разорвало! – было рискованно. Министерство откровенно побаивалось изданий НИИПБ, среди приемщиков имелись люди в возрасте, и шоу могло кончиться сердечным приступом. Но Павлов хотел доказать любой ценой – его продукция не дурит, она безопасна для нашего воина, будь тот хоть трижды генерал. А

рисковать, когда приперло, – это завлаб тоже умел.

Он здорово тогда институт поддержал.

И вот, кажется, настало время снова рискнуть. Не ради «фирмы», не ради себя. Для рыжиков. Решение пришло в голову мгновенно, словно Павлов давно к нему готовился и только ждал подходящего момента.

– ...Но победителей не судят, – говорил тем временем директор. – Поэтому, уважаемый коллега, примите это как знак признания заслуг. От института и меня лично. Уверен, что у нас не возникнет разногласий и в дальнейшем. Будем работать, добиваться новых успехов. А если что-то сорвется – не станем без нужды переживать. И вообще, стоило бы нам серьезно поговорить о ваших перспективах. Есть мнение, что вы давно переросли рамки одной-единственной темы...

«Покупаешь меня, да? – догадался Павлов. – Пусть. Так даже лучше. Ты рыжиков уже похоронил, а вот я их возьму и реанимирую!»

– Ага, пошли разговоры не для посторонних, – сказал Бондарчук. – Давайте, чтобы вы не объяснялись намеками, я еще рюмочку приму и к себе поеду.

– К сожалению, мне тоже пора, – директор взялся за бутылку.

– План доклада представить? – деловито спросил Павлов.

– Незачем. Меня все равно завтра-послезавтра на службе не будет. И потом, что вы можете сказать про базовый «Клинок», чего я не знаю?

«Это ты подметил верно. Про базовый – ничего».

– Справитесь. – В голосе директора тонкой льдинкой звякнула непонятная Павлову боль.

– Он справится! – заверил Бондарчук, поднимая рюмку.

В коридоре Павлов ухватил генерала за рукав.

– В чем дело? – спросил он заговорщическим шепотом.

– У него мама умерла, послезавтра хоронить, – объяснил Бондарчук. – Какое уж тут представление. А кремень мужик, да?

– Ох... А то не могу понять – что за интрига. Тогда да. Жаль беднягу. – Павлов даже вздохнул. Искренне.

Примерно секунду завлаб от всей души и без каких-либо обиняков жалел директора, а потом рванул к цели.

– Ты правда хочешь на представлении эффектный фокус?

– Кроме шуток, – кивнул генерал. – Скучища ведь смертная эти доклады. Пережиток советских времен. Пока не начнется полигонная фаза, все сидят, носами клюют с умным видом или о своем шепчутся. Это и для изделия плохо. Мало ли, что по нему уже решение есть. Товар нужно так подавать, чтобы в душу запал. Чтобы в память врезалось – ух, какое изделие! Поэтому думай. Материал твой фактурный, сам себя покажет. Но сколько он простоит на вооружении – вот цена вопроса! А будем мы потом толкать «Клинки» за рубеж? Ты прикинь, израильтяне за такое оружие, которое само араба чует, и араба с динамитом отдельно, последнюю рубаху снимут!

– Динамит не гарантирую, – быстро сказал Павлов. – Только араба.

– Да черт с ним. Я для примера. А сколько Америка оплатит за возможность мексиканскую границу закрыть? То-то, дорогуша. Но чтобы мы смогли все эти шикарные возможности реализовать, там, – Бондарчук ткнул в потолок толстым волосатым пальцем, – о «Клинке» должны помнить. Долго помнить, с большим удовольствием и гордостью за отчизну. Значит, нужно полосатиков красиво показать.

– Так есть идея! – сообщил Павлов, всячески демонстрируя лицом озарение мыслью. – Только потребуется твоя помощь.

– Догадываюсь. Чего задумал? Учти, испытатели на полигон целое отделение «Клинков» выведут.

– А я – только одну кошку! Всего лишь одну. Но не такую, что будут показывать испытатели. Совсем другую.

– Вроде той, которая сегодня погулять ушла?

– Зачем вроде? Ее, родимую.

Они уже спустились вниз и стояли у проходной корпуса. Генерал сдвинул фуражку на затылок и поскреб обнажившуюся извилину.

– А смысл?

– Она невероятно красивая, – сказал Павлов. – Пушистая. Мягкая. Приятная на ощупь. Ласковая. Умница. И при этом – боец. Полосатики, согласись, хороши, но выглядят как-то блекло из-за камуфляжа. А я приведу рекламный продукт

чистой воды! И будет внедрение образа марки, как это маркетинологи называют.

– Я сам по жизни немного рекламщик, если ты позабыл, – заметил Бондарчук, на глазах скучнея. – Чего только кому не впарил. Идея, дорогуша, продуктивная. Но боязно мне выпускать на представление экспериментальный образец. Он не задавит министра, как ту ворону, твой рекламный продукт, а? То-то будет образ марки! Ваш людоед Шариков от зависти лопнет.

– Во-первых, образец предсерийный, он уже прошел все тесты... – соврал Павлов. Впервые, наверное, за несколько лет соврал.

– Только я об этом образце сегодня впервые услышал! Не люблю сюрпризы, даже приятные. Не положено так, ребята. Могли бы держать меня в курсе. Точнее, обязаны были. Со всем распустились, скоро у вас какой-нибудь Змей Горыныч улетит, а я ни сном ни духом! На что это будет похоже?

– Извини, но такие претензии – к директору, пожалуйста... Значит, а во-вторых, я дам тебе пульт управления, положишь в карман и будешь держать палец на кнопке. Хотя нет... Лучше я просто дам тебе слово. Вообще, пошли сейчас ко мне в «К-10», посмотришь Катьку, все сомнения отпадут.

– Катьку? – Генерал одним движением руки заставил раствориться в воздухе охранников, кажется, надеявшихся проверить у него документы, и сам открыл Павлову дверь на

улицу. – Ну, если Катьку...

– Она десятая в серии, поэтому имя на букву «К». Такая Катька... Натуральная. Вот увидишь.

К ступеням административного бесшумно скользнула длиннющая черная «Волга».

– С твоей стороны понадобится сушая ерунда, – говорил Павлов. – Завтра тебе позвонят из нашей секретки и спросят, выписывать ли Павлову однодневный пропуск на образец... А ты их перебежешь и скажешь – ну да, образец ка десять эр десять, все согласовано. Запомнишь?

– Директор в отъезде, беспокоить его по мелочам нетактично, заместители не в курсе, но есть Бондарчук, который может распорядиться, а потом будет во всем виноват! – заключил генерал. – Ну и пройдоха ты, Павлов! Чего тебе надо на самом деле, а, дорогуша?

– Образец ка десять эр десять, – повторил завлаб. – Запомни.

– Если она сожрет министра, тебя прямо на месте пристрелят, – сухо и очень серьезно пообещал генерал, садясь в машину.

– А если кого помельче? – спросил Павлов.

– Ты залезай! – раздалось из «Волги». – Знаю я ваших дрянней, они всегда первым делом старшего начальника жрут!

– Сдается мне, – сказал Павлов, – ты замышляешь что-то разумное, доброе, вечное.

– Угадал, – кивнул Шаронов. – Есть во мне такая фигня. Как увижу я кота – ну душить его, скота! Как замечу кошку, так обижу крошку...

Снова он сам явился, без приглашения. Опять стоял у второй клетки и наблюдал за Борисом. Рыжик надоедливого гостя игнорировал, но Павлов заметил, что дается коту это упражнение не без труда. Шаронов каким-то образом «раскачивал» заторможенную психику кота.

Конечно, максимум, чего Шаронов мог добиться, – срыва в легкую агрессию. Павлов не стал говорить этого вслух, ему было интересно наблюдать за коллегой. Два завлаба представляли расходящиеся ветви одной научной школы. Павлов как был по образованию, так и остался чистой воды биотех, Шаронов же тяготел к направлению, на Западе называемому «бай-мек». В принципе это расхождение было обусловлено спецификой изделий, но с каждым годом трещина углублялась, все больше напоминая пропасть. Вместе с ней росло взаимное недоверие, и, дай завлабам спокойно поработать еще лет десять, они, может, разругались бы. Павлов со своей колокольни не раз предупреждал Шаронова, что тот допрыгается. Шаронов постоянно твердил Павлову, что тот все

портит. И действительно, «тему К-10» преследовали неудачи. Зато когда Шаронов с «Тисками» вправду допрыгался, Павлов работу бросил и побегал его держать – так страшно было за человека.

А все равно, корректировочные чипы в изделиях обеих лабораторий стояли одинаковые.

– Есть мнение, уважаемый коллега, – сказал Шаронов, – что ты в пролете.

– Не вполне тебя понял, уважаемый коллега.

– Системная ошибка, – Шаронов ткнул пальцем в Бориса, – там. В самом основании. Не заработал я бутылку. Могу объяснить, где прокол. Выход предложить – нет. То есть я догадываюсь, как построить изделие, отвечающее заданию. Но это тебя не выручит. Ты ведь не можешь начинать заново с нуля. И потом, в моих подходах слишком много от бай-мек. А некоторым эти принципы чужды. К несчастью.

– Я ведь не дал тебе материалы по рыжикам.

– А я так... Людишек поспрошал, файлики посмотрел. Ну, и... Рассказывать?

– Обойдусь, – сказал Павлов. – Попробую выбить хоть полгода времени и сам все сделаю.

– Думаешь на представлении обаять министра?

– Есть хоть что-то, чего ты не знаешь? – спросил Павлов неприязненно. – Ах да, это то, что тебя не интересует...

– Да ладно, не язви. Некоторые вещи мне недоступны. Предвидения, например. Вот, допустим, вчера. Уходя из ви-

вария, я твердо знал – у Павлова сбежал образец. Но не знал, вернется ли он. Пospорил с Головановым на столик, что с концами. А дедуля выиграл, мать его йети.

– Он же на пенсии! Откуда...

– Вернули. Консультантом в обезьянник. Представляешь, чем это грозит человечеству?! – Шаронов аж облизнулся от предвкушения. – Вообще-то я выяснил, чем. Но не могу раньше времени болтать. Извини.

– Обезьяны – попса, – бросил Павлов. – Дешевые трюки для впечатлительных начальников. На войне обезьяна бесполезна, а как разведчик и диверсант не стоит затраченных денег. Там, где они водятся, нет ничего стоящего. Там, где есть стоящее, обезьяна привлекает слишком много внимания.

– Значит, надо сделать обезьяну привычной. Чтоб была повсюду. И не тапочки подавала, а водила машину и смешивала коктейли. Понимаете меня, уважаемый коллега?

– О, ужас... – пробормотал Павлов. – О, ужас. Скажите, уважаемый коллега, это шизофрения или наши взялись серьезно?

– Учти, опасный разговор. На статью потянет.

– Ой, да ладно тебе. Все равно ничего не получится.

– Отчего же? Сначала как пробный шар красивые большие кошечки, потом умные обезьянки... Ага?

Павлов вытаращился на Шаронова так, что тот подался назад.

– Слышь, ты, чудо, – сказал Шаронов. – Ты хоть пытал-

сы узнать, зачем тебе заказали гражданку? Или по-прежнему лишних вопросов не задаешь? Всегда готов и все такое?

– В задании указано – домашнее животное декоративно-го профиля со вспомогательной охранно-сопроводительной функцией. И... И что?

– Да расслабься, я так, подумал вслух. Игры разума. Никто не в курсе, для чего твои рыжики. То есть кое-кто знает, но молчит. Хотя, согласишься, обезьяны – это симптоматично... Первый звонок.

Завлабы немного помолчали. Павлов вспомнил, что, по слухам, в ветхозаветные советские времена какие-то шарлатаны предлагали атаковать противника с помощью дрессированных ядовитых змей. А еще говорили, в некой сверхсекретной лаборатории настоящие, без дураков, матерые лжеученые – некуда печать ставить – растили то ли боевого таракана, то ли дистанционно управляемую саранчу.

– Ладно. – Павлов вздохнул. – Мне надо готовиться к представлению. Так уж и быть, рассказывай страшную правду о рыжиках, уважаемый коллега. Добивай бездарного.

– Все просто. Странно, почему ты сам не допер. Наверное, действительно глаз замылился. На рыжих кисках можешь ставить крест. Жалко, да. Мне и то жалко. Но эту серию не переделать. Ты им выхолостил эмоциональную сферу, ясно? В погоне за управляемостью. Вот и вся твоя проблема. Ничего уже не получится. Между прочим, они трахаются?

– Это как? – изумился Павлов. – Зачем? Им нельзя.

– Можно. Они же не боевые.

– Ты представь, такая зверюга – и в охоте. Ей придется лопатой в пасть закидывать контрасекс. Или она станет неуправляема. Да и голосок – ой-ей-ей.

– Голос оставили, чтобы мурлыкала? А она, скотина, не мурлычет, – заключил Шаронов. – И ласкаться не идет. Гладить хоть дает себя?

– Еще бы она не давала! – Павлов обиженно хмыкнул. И несколько раз щелкнул языком. Борис тут же встал, подошел к решетке вплотную и прижался к ней боком.

– На, – предложил Павлов. – Гладь – не хочу. Большой, теплый, приятный на ощупь, шерсть лезет очень слабо. Обгладься.

Шаронов осторожно потрогал Бориса. Тот на собачника покосился, но прикосновение стерпел. Шаронов начал гладить. До того профессионально, что Павлов в очередной раз устыдился. Естественно, он был весьма любознателен, но вот интересоваться, как именно оглаживают собак, и насколько это отличается от поглаживания кошек...

«Искусственно выведенных собак-убийц, монстров, чьи тела едва напоминают исходник, а собачьи повадки доведены почти до абсурда, – поправил себя Павлов. – И увеличенных кошек с измененным и жестко контролируемым поведением, но тем не менее по-прежнему обычных кошек.

Разница. Принципиальная. Да, я понимаю, что мне хочет

объяснить Шарик. Он это талдычит лет двадцать, с тех пор, как возомнил себя демиургом, бросил перекраивать живое и принялся заново создавать его. Из простого биотеха переквалифицировался в собачьего бога. И я по-прежнему не могу с ним согласиться... Но как же ловко он Борьку гладит, зараза!»

Шаронов прикасался к Борису словно к разнервничавшейся лошади. Успокаивал, настраивал на дружелюбный лад, снимал неловкость. Рыжикам намеренно «посадили» обоняние – чтобы не воровали из холодильников колбасу, – но хватало и человеческого нюха понять, насколько Шаронов по запаху пес и до чего этот пес кровожаден. Борис наверняка переживал не лучший момент в своей жизни, у него сейчас личная оценка ситуации чересчур расходилась с приказом хозяина. Да еще Шаронов успел над котом вволю покуражиться, молчаливо подзуживая и вызывая на бой.

Павлову захотелось даже прихвастнуть – мол, смотри, как я научил их слушаться человека! Но он вовремя сообразил, что Шаронов в ответ скажет «и это ты не сам придумал». И добавит: мол, привито кошкам абсолютное послушание не тем концом не через то место. И будет, в общем, не совсем не прав.

«И как я его терплю? – мысленно вздохнул Павлов. – Столько лет бок о бок, всегда он в полном шоколаде, а у меня сплошь неудачи. Хотя шоколад тоже бывает горький. До трагедии с „Тисками“ Шарик почти не седой был, зато по-

сле – за неделю выщвел. А я ведь предупреждал. Доказывал, что у собаки, как ее ни перекраивай, есть предел внутренней свободы, шагнув за который она превращается в тупую ко-силку-мочилку. Рубанком становится. Только Шарик меня не слушал. Привык, что наоборот – я ему в рот гляжу».

– М-да... – Шаронов обернулся, но продолжал машинально почесывать Бориса за ухом. Вот уж это с рыжиками получилось лучше некуда – они вызывали устойчивое и все нарастающее желание трогать их руками.

Щупать, гладить, трепать и дружелюбно волтузить.

– Что и требовалось доказать. Это не кошка. Это мебель!

– Пуфик с лапками, – подсказал Павлов.

– А дать ему пендаля? – вдруг окрылился идеей Шаронов.

– Получишь сдачи, ты же не член семьи. Для начала без когтей и слегка. Если не угомонишься, будет крепче. И дальше по нарастающей. Убить он не должен, но, если угроза окажется серьезной, особенно угроза хозяину, – может. Еще мы оставили взрывную реакцию на оружие. Когда ствол глядит в твою сторону, рыжика нужно придерживать, чтобы не бросился.

Шаронов отошел назад и окинул взглядом ряд клеток.

– А цвет – правильный, – сказал он. – Такую экзотику должно быть видно издали. Во избежание массовых инфарктов.

– И как я умудрился запороть серию... – вздохнул Павлов.

– Может, тебя смежники подвели? – осторожно предполо-

жил Шаронов. – Вдруг чипы дефектные? Ты хоть проверял?

– А то нет! Слушай, мне не нужны оправдания, я хочу понять – где именно напортачила «К-10»? Ты красиво сказал насчет эмоциональной сферы, только мимо цели. Она не выхолощена. Там все на месте, просто введена, как обычно, система команд и блоков. Которая не влияет на способность животного испытывать эмоции. Но что-то заедает. Ты Борьку раззадорил? С трудом. А без вмешательства извне он будет ровный, как мой письменный стол. Никакой инициативы. Сколько с ним ни целуйся, сам пообщаться не подойдет. В чем загвоздка?

– Просто ты опять сделал из кошки робота! – заявил Шаронов. – Задавил в ней все дрянные черты характера. И она перестала быть кошкой. Пока ты растил маленьких разведчиков, это было не критично. Теперь у тебя крупный и сильный воин. Но кто он? Разве это кот? Разве он – личность? Да это...

– Пуфик с лапками.

– Именно. Нормальный кот всегда по натуре сволочь. И не надо делать сердитые глаза. Кот позволяет любить себя, не больше. Выдерживает дистанцию. Даже если на самом деле обожает хозяина. Признает только равноправное партнерство. И всегда готов сесть человеку на шею...

– У тебя дикарские представления о кошках, – вставил Павлов. – Сплошные штампы и стереотипы.

– Да ну? Почему же тогда вот это, – Шаронов обвел вива-

рий широким жестом, – получилось вот такое? Ты сделал их хорошими и послушными. Слишком хорошими и чересчур послушными. И что, разве они – кошки? Да они – никто. Ты открыл неизвестный ранее вид. Пуфик с лапками! В войсках на твои изделия не нарадуются...

– Правда? – оживился Павлов. – Я владею только общей информацией, мол, все хорошо, штатно, без сбоев.

– Правда, правда, я точно знаю. Но в том и фокус, что боевая-то твоя версия, она же тварь! Когда не работает, конечно. В свободное время у нее эмоции наружу торчат, даже, говорят, черный юмор проявляется. Ей мозги вправлять иногда нужно – то ремнем, то табуреткой... Любят ее испытатели. Понимаешь, любят!

– Какой ты у нас... Информированный.

– Я через две недели у зама по производству дела принимаю. – Шаронов сделал движение губами, будто хотел сплюнуть. – Не мытьем, так катаньем сняли меня с реального живого дела. Ладно, им же хуже. Буду тогда в директора лезть. Жалко для меня темы – заберу весь институт.

– Ну, поздравляю... Товарищ начальник.

– Я тебе помогать буду, – со свойственной ему прямоотой и непосредственностью пообещал Шаронов.

Павлов в ответ благодарно улыбнулся и опасливо поежился.

– А сейчас, уважаемый коллега, слушай полезный совет. Успокойся, водки тяпни и сдавай рыжих на мясо. Пока со-

всем не расклеился. Пока еще можешь. Я же вижу.

– Я, собственно, вчера за этим и шел, – признался Павлов. – К директору. Но не успел. И...

– Ну, топай послезавтра, – перебил Шаронов. – Да не впадай в отчаяние. Думаешь, один ты такой невезучий? У меня знаешь сколько аналогичных пролетов было?

– На моей памяти штуки три... – Павлову очень хотелось объяснить, насколько все переменялось за последние сутки, но его уже не слушали.

– Не поверишь – восемь! – гордо сообщил Шаронов. – Я слил восемь больших проектов. Один другого интереснее. Из-за некоторых до сих пор ночами просыпаюсь. Вскрываю, бегу к компьютеру. И смотрю, и пересчитываю до утра. И ничего не понимаю. Такое впечатление... Ты никому, понял? Я закономерность учуял. Чем изящнее решение, тем меньше шансов, что оно на натуре заработает. Будто природа сопротивляется. Вот почему у меня, например, «Рубанок» такой красавец вышел? Да он психопат! Когда выходит на режим, у него срывает механизм торможения. Зверь конкретно идет вразнос. Его даже кодом блокировки не всегда остановишь. Висишь на заборе и щелкаешь как дурак. А он бежит и рубает, сука. Пока от усталости не свалится. Думаешь, я такого результата хотел?! Но я посмотрел и решил: природа нас перехитрила, а мы ее – проигнорируем! Раньше на охрану участка нужно было пять рыл с автоматами? Теперь довольно одной сумасшедшей псины. И в чем проблема? Сто-

ит псина ерунду, жрет чуть ли не помои. Смотрится внушительно, живет долго. А главное, пока враг на объект не полез, собачка – умная, пушистая и ласковая.

– Только страшная до усеру, – ввернул Павлов.

– Так и было задумано. Это собака для волевого и сильного хозяина. Способная перехватить и убить волевого и сильного врага. Что ты хочешь, она без брони держит пять-шесть пуль из пистолета. А уж в броне...

– Хочешь правду и ничего кроме правды? «Рубанок» твой ненаглядный – просто сухопутная акула, извини, пожалуйста. Рыба волосатая. Скажи честно – зачем ты ее спроектировал? И чего ты с ней так носишься до сих пор?

– Тебе рыжики зачем понадобились? – вопросом ответил на вопрос Шаронов. – Геморроя не хватало на толстую задницу?

– Хотел выпендриться, – признался Павлов. – Сделать, как никто на свете.

– А я что, хуже тебя? Думаешь, ты один такой... пижон? Я тоже. Сделал. Как никто. Эксперты из министерства натурально задрожали, когда им модель вывели. Бондарчук сказал, «обкатка танками», которую он солдатом проходил, – фигня и детский сад по сравнению. Ощущения, сказал, будто стакан адреналину тяпнул. Вот как можем! Если хотим.

– Ну, и что же мне теперь?.. – спросил уныло Павлов.

– Больше не выпендриваться, – посоветовал Шаронов. – Слушай, не убивайся так. Подумаешь, слил проект. Со все-

ми бывает. Я же говорю – восемь раз у меня! Худший показатель в отрасли! Рекорд! И ничего, работаю, на членкора нацелился!

– Я просто очень хотел, чтобы получилось... – Павлов оглянулся на Бориса. – Ну скажи – красиво!

– Вот только лапы задние ампутировать...

– ...А какой уют такой котяра должен создавать в доме!

– Если мебель цела останется...

– ...А дети, они же просто в восторге будут!

– Когда от нервной икоты отойдут...

– Да пошел ты! Далеко и надолго! – то ли прорычал, то ли прохрипел, наливаясь кровью, Павлов. – К тискам, капканам и рубанкам! К пассатижам своим!

– Пошутить уже нельзя, – миролюбиво сказал Шаронов и действительно – пошел.

– И сам ты пуфик с лапками! – крикнул Павлов ему вслед. – Шариков! Полиграф Полиграфыч!

– Абырвалг! – отозвался через плечо Шаронов.

Дежурный, видимо, перетрусив, вооружился шваброй, залез в клетку к «единичке» и теперь делал вид, будто там прибирает. Шаронов, проходя мимо, издал негромкий противный вой, от которого мелко затряслись оба – и дежурный, и кот.

– Нет, вы только поглядите, и это – без пяти минут членкорреспондент! – возмутился Павлов. – Иметь его конем!

За решеткой бухнуло – с наслаждением повалился на пол

изначально эмоционально выхолащенный, а теперь еще и нервно истощенный рыжик Борис.

* * *

Утро выдалось неожиданно холодным, и Павлов отметил про себя – хорошо, если к обеду не очень разогреет. Как любые крупные животные, полосатики умели беречь энергию, что делало их, на взгляд дилетанта, слегка заторможенными. Прохлада заставит «Клинки» шевелиться, а значит, выглядеть моторнее, активнее. Лишний плюс.

– Чудесный домик, – сказал Бондарчук, оглядываясь из отъезжающей машины на павловский коттедж. – Ты уже выпил его?

– В том году. Участок маленький.

– Зато поселок что надо. Тишь да гладь, кругом свои.

– Угу, только дочка сбежала в Москву из этой тиши.

– Вернется, – обнадежил генерал.

– Когда помру, – уверенно сказал Павлов.

– Внуков на лето будет привозить. Что я, не знаю? Сам дед.

– Она их возит на море. А мне раз в полгода дает посмотреть. Говорит, не умею правильно обращаться.

– Да что же ты с ними вытворяешь, дорогуша?

– Играю... Разговариваю. Объясняю, как устроен мир, учу вести себя хорошо. В общем, воспитываю. Что еще можно

делать с детьми?

– Сразу убивать! Детей нужно сразу убивать, ибо что еще с ними можно делать?

Павлов недоверчиво покосился на генерала.

– Это цитата, – объяснил Бондарчук. – Господи, до чего же вы, ученые, дремучие! Не в первый раз замечаю.

– Зато генералы пошли очень культурные! – надулся Павлов. Он пытался вспомнить, кого ему процитировали, и никак не мог. – Готов поспорить, ты читал художественную литературу, когда был юным лейтенантом, чистым и наивным. Что отложилось в памяти, тем и размахиваешь до сих пор.

– У лейтенантов нет времени на книжки. Я начал всерьез читать капитаном. Если честно, от безделья. В Гвинее-Бисау случались очень скучные дни. Ну, и... Правда, выбор был специфический. Когда ты взрослый и прагматичный рашен милитэри спешизелист, а на улице плюс сорок, а под ногами ядовитые змеи, а в желудке пол-литра джина для отпугивания малярии... Короче, нелегко в таких обстоятельствах умиляться каким-то розовым соплям. Хотелось суровой мужской прозы с легким налетом романтизма. Джек Лондон, помню, хорошо вписывался. Особенно северный цикл. По контрасту, наверное!

– Так это из Лондона – про убивать детей? Вот не подумал бы...

– Нет, – покачал головой Бондарчук. – Это, конечно же, не Лондон. Это такой Даниил Ювачев. Расслабься, дорогуша,

ты не знаешь.

– Куда уж нам! – фыркнул Павлов. – Простым русским биотехам...

– А-а, по-твоему, мне в таких материях тоже нельзя разбираться? – усмехнулся Бондарчук. – Не положено? Что за штампы у тебя в голове! Совершенно дикарские представления о генералитете. А я, между прочим, и на фортепьянах могу. Ну, чуточку. Не очень громко. Слушай, Павлов, дорогуша, меня тут осенило, ты пашешь на оборонку лет двадцать, а?

– Скоро тридцать.

– И что ты знаешь о нынешней армии, прохвессор?

– Что она профессиональная и гораздо лучше прежней, – буркнул Павлов. Его армейский опыт был стандартным: пара коротких тренингов и один месячный полевой сбор давным-давно. Разобрать автомат завлаб, наверное, смог бы и сейчас, а вот собрать обратно – вряд ли.

– Хороший ответ, – похвалил Бондарчук. – В духе официальной пропаганды. А военная доктрина наша – как она, на твой взгляд?

– Ничего себе, – осторожно сказал Павлов. – Нормально.

– М-да... Сколько мы общаемся, всегда я тебя расспрашивал про твою работу. А надо было рассказывать про свою. Дорогой ты мой товарищ Павлов! Да будет тебе известно, что именно новая российская военная доктрина сделала НИИПБ столь нужным и полезным. Ваши с людоедом Шариковым

разработки придадут армии некоторые свойства, которых ей недостает. Критически недостает, я бы сказал. Ты это... Гордишься?

– Скорее боюсь, – честно признался Павлов. – Как вы своими новыми свойствами размахнетесь, да как врежете...

– Ерунда! – отмахнулся Бондарчук. – У нас и в мыслях нет врезать. Размахнуться можем. Острастки ради. Минуточку... Эй, дорогуша! Ты поворот не пропустил?

– Там копают, товарищ генерал, – отозвался водитель. – Мы дальше.

– Там расширяют стоянку у аквапарка, – сказал Павлов.

– А аэропорта у вас, случаем, нет?

– Зачем аэропорт? – удивился Павлов. – До Москвы час экспрессом.

– Аквапарк! – Бондарчук раздраженно фыркнул и сразу оказался похож на настоящего генерала. – Дорогуша, ты хоть помнишь времена, когда аквапарков не было? И экспрессов не было. И ничего вообще не было! В мой родной городишко по выходным приезжала на базар машина с колбасой! А в продуктовых лежали макароны, селедка и маргарин!

– Ты будто из какого-то голодающего Поволжья...

– Я из России, – веско сказал Бондарчук. – Тебе, москвичу, не понять. И вообще, не перебивай, а впитывай. Мы нынче живем вроде бы богато, с прежним не сравнить. Аквапарки вон повсюду. Работяга год отпахал – везет семью на курорт. Прямо Советский Союз, только всего больше и ши-

рыше. Чем достигнуто это изобилие, а, дорогуша? Отказом от позиций, которые занимал СССР! Но сейчас родина потихоньку возвращает себе прежнее влияние. Однако же на одной экономике в сверхдержавы не выйти...

– Это что, политинформация? Или инструктаж?

– Именно. Не смейся, я не шучу. Есть мнение, что некоторые не понимают, какую задачу взвалили на свои плечи. Жирком заплывшие.

– Я делаю зарядку. У меня есть двухпудовая гиря, – сообщил Павлов. Чистейшую правду сказал. Зарядку он делал. И гиря у него была. Одно другому никак не мешало.

– Гиря – дело хорошее... Кому сказано – не перебивай!

– Виноват, товарищ генерал-майор. Больше не повторится.

– То-то. О чем я? А! Так вот, стране нужна военная сила. И как ни странно – живая сила, понимаешь? Ядерным щитом не закроешься от локальной угрозы. Танки и самолеты не берут города. Пехотинец, друг мой, вот кто по-прежнему задает тон. Но пехотинца-то серьезного у нас до сих пор и не было. А нам же надо регулярно доказывать, что мы крутые! Полегоньку, местами, но реально подвоевывать. И кем это делать?

– Ничего себе! А ваши спецназы? Береты всякие?

– Путаешь, дорогуша. Спецура, она для узких задач. А биться с противником лицом к лицу должен нормальный солдат. Только он у нас – кто? Здоровый лоб на приличной

зарплате. Средний возраст рядового уже под двадцать пять. Обучен хорошо, но воюет с оглядкой... И тут на сцену выходит некий институт! И вручает пехотинцу то, чего ему не хватало! Помощника и друга, который расширяет возможности бойца и создает ощущение защищенности. У всех, кто поработал с твоими полосатиками, резко подскочила самооценка. Три контрольные группы было, и в каждой теперь совсем другие солдаты! Мы боялись, что обнаглеют и начнут лезть на рожон, – как бы не так. Просто они стали иными. Кого угодно покромсают в мелкий винегрет. Вот что вы делаете, дорогой товарищ Павлов, с вашим душегубом Шариковым. Поставляете в войска зверей, а те изменяют людей. Мы, конечно, ждали похожего эффекта – зачем, собственно, все и было затеяно. Ведь самое лучшее оружие ничего не стоит, если не модифицирует поведение бойца. Вам это удалось. В перспективе мы имеем совершенно новую армию!.. Э! Ты чего смурной?

– Как только полосатики ушли в опытно-промышленное, мне обрубили информацию, – произнес уныло Павлов. – Я сейчас впервые от тебя слышу о контрольных группах, об эффекте влияния кошек на людей...

– Порядок такой, дорогуша, – вздохнул Бондарчук. – Вы занимаетесь оружием, мы занимаемся людьми.

– Я многого не прошу – но разве нельзя оставить мне контакт хотя бы с испытателями? А то два раза поговорили, и конец.

– Испытатели – наши. А институт как бы не совсем наш. А ты ведь погоны не надел, – веско заметил Бондарчук. – Хотя предлагали. Вот и остался ни рыба ни мясо – ученый. И вообще, случись на испытаниях чего серьезное, тебя бы мигом подняли по тревоге. Из постельки выдернули и потащили за ушко разбираться. Куда-нибудь на танкодром, ночью, под дождь. В грязь, слизь и кровавые ошметки. Так что живи и радуйся.

– Живу и радуюсь! Благодарные ребята товарищи военные. Я им такую кошку сделал, которая лицо армии переменил, а они... Ладно, не надуйся. Шучу.

Машина беспрепятственно миновала проходную НИИПБ (генерал на мгновение опустил стекло, грозно зыркнул, ворота раскрылись, охрана высыпала из будки, выстроилась во фронт и дружно взяла под козырек), прокатилась по территории и зарулила за десятый корпус, в институтском просторечии называемый «кошкин дом».

Павлов открыл было дверцу, но Бондарчук поймал его за руку.

– Ты вот что, дорогуша, – сказал он. – Катька твоя, конечно, девица ласковая и предсерийный образец, и все такое... Но поскольку со мной ее согласовать никто не удосужился – это мы еще разберемся, почему...

– С директором разберетесь, – уточнил Павлов.

– Да уж не с тобой, дорогуша! В общем, раз на представлении я за вашу фирму отвечаю, дистанционный пульт ты

мне все-таки принеси!

Павлов осторожно высвободил рукав из крепкого генеральского захвата.

– У тебя не было кликера – тогда? – спросил он мягко. – Ах, конечно, вам стали давать их только после...

Бондарчук неопределенно шмыгнул носом.

– То есть?.. Ты не успел?!

Генерал что-то нажал у себя на дверной ручке, и из перегородки, отделяющей пассажирский салон от водительского отсека, с мягким жужжанием поднялась глухая черная штора.

– Видишь ли, я будто предчувствовал беду и попросил дистанционку в карман. Уговорил Шарикова – мол, не чужой же я вам человек. Да, представителям заказчика было не положено...

– Очень прошу, ты пойми наших правильно, – перебил генерала Павлов. – Это чтобы вы с перепугу не сорвали показ. Были ведь случаи.

– Спасибо, знаю. Участвовал.

– Да, только ты не представляешь, до чего изделию плохо, когда его принудительно блокируют. Это сильнейший удар по центральной нервной. Животное потом долго восстанавливается, и ему очень больно. Мы их жалеем. Стараемся не мучить попусту.

– Естественно, вы их жалеете! На людей вам плевать, а вот зверушки...

– Людей бабы нарожают.

Бондарчук так вытаращил глаза, будто впервые Павлов увидел – хищного, зубастого, когтистого, заросшего шерстью.

– ...а сколько труда вложено в наших зверушек, ты можешь судить хотя бы по объемам финансирования. А сколько здоровья и любви – это деньгами не измеришь. Ясно? Благодарю за внимание! Извини, я, кажется, немного устал, вот и сорвался. Теперь рассказывай, что случилось на показе «Тисков».

Генерал опустил взгляд, секунду подумал и буркнул:

– Это ты меня прости. Как-то я с тобой, дорогуша, неуважительно.

Теперь заметно удивился Павлов. С первого дня знакомства Бондарчук обращался к завлабу в нахрапистой манере отца-командира, вечно читал мораль и всячески демонстрировал свое превосходство. То, что генерал умеет извиняться, Павлову и в голову не приходило.

– Все хорошо, старина. Честное слово. Забудем.

В знак примирения завлаб осторожно похлопал Бондарчука по плечу.

– Вот и ладушки. Что же я хотел про этот показ... Ага! Ну, Шариков тогда покочевряжился, конечно, но запасной пульт мне сунул. И понимаешь, когда все случилось, я вроде бы на кнопку давил. Конечно, щелчков не расслышал – ведь крик стоял ужасный. До сих пор мне временами кажется, будто я

включил блокировку за секунду до. И есть подозрение, что пульт не сработал. Всего лишь подозрение. Я слишком поздно очухался, чтобы посмотреть... Скажи, дорогуша, как ты думаешь, хватило бы наглости у вашего живодера Шарикова вытащить из пульта батарею? Дабы тупица-генерал чего не напортил? И не сделал больно милым собачкам?

– Сомневаюсь, – честно сказал Павлов. – Вынимать из кликеров питание – не наш стиль. И ей-богу, когда я сдавал «Клинок» предварительной комиссии, батарея в твоём пульте была.

– Да я ничего такого...

– Тебе... здорово досталось за «Тиски»?

– Думаешь, где моя вторая звезда?

– А она разве была? – изумился Павлов.

– Образно говоря, она уже пикировала мне на плечо. Теперь не факт, что звездопад случится вообще.

– И как ты с нами после всего этого... работаешь?

– В запас не уволили, вот и работаю! Служу. Ну, если тебя личное интересует, дорогуша, – так люблю я вас, засранцев. Кажется. Да и в министерстве нет другого спеца, чтобы институтские его почти за своего держали. Вы же терпите меня отчего-то? Ну, вот. Ладно, беги, а то из графика выбьемся.

– Я быстро, – сказал Павлов. – И... Я дам тебе подержать исправный пульт.

Катка будто ждала его – тут же подскочила к решетке и принялась, урча, тереться о прутья.

– Все бы так... – пробормотал завлаб, оглядывая ряд клеток, в которых предавались вялотекущей жизнедеятельности остальные рыжики. Переваривали завтрак. Павлову вдруг захотелось взять да прощелкать команду общей тревоги, чтобы все проснулись и встали на уши, но он желание поборол. Ничего бы ему этим доказать не удалось – ни себе, ни рыжикам, ни тем более дирекции института.

Много лет назад Павлов выработал золотую для «оборонщика» привычку не задавать лишних вопросов. Неспроста – у отдельных излишне любопытных коллег прямо на его глазах свернулась карьера. Теперь завлаб на себя злился. Мог ведь, получив техзадание на гражданскую версию «Клинка», потребовать разъяснений – с чьей санкции, кто будет отвечать в случае неудачи... Но не стал. Он был и оставался удобный для начальства, исполнительный, лояльный, верный, не хватающий с неба звезд, но зато надежный Павлов.

Сейчас он просто ненавидел себя таким.

– Катерина! Выходи, красавица, – сказал он кошке, открывая дверь. – У тебя сегодня очень большой день. Может, самый большой в твоей жизни. Второй день рождения. Ощущаешь?

Катька умела покидать клетку по-всякому. То выдвигалась царственной походкой, высоко задрав роскошный хвост. То радостно кидалась тереться и обниматься. Сейчас же она просто вышла, приветственно толкнула Павлова плечом в бедро и деловито засуетилась вокруг – завлаб надел чистый халат, и его нужно было немедленно обработать подщечными железами, понасажать меток.

Павлов прошел к выходу и остановился у стола дежурного. Катька на лаборанта даже не посмотрела – знала, кто тут главный и кто у главного в любимчиках.

– Фиксируй время и номер пропуска. Выпиши мне дневной рацион на ка десять эр десять. И еще дистанционку. Две штуки.

Дежурный бросил на начальника удивленный взгляд, но повиновался молча – открыл ящик и выложил на стол два пульта управления, похожих на крохотные мобильные телефоны.

В «кошкином доме» все уже наверняка знали, что завлаб увозит «десятку» в качестве наглядного образца для официального представления. Но на вопрос, нужно ли для этого целых два электронных кликера, ответ был бы однозначный – зачем? Павлов любое свое детище, и в любом его, детища, состоянии, мог заставить повиноваться взглядом. То есть это выглядело бы именно так.

– И отвертку, – распорядился Павлов.

Дежурный удивился еще больше. Его прямо расперло от

любопытства во все стороны, как глубоководную рыбу на поверхности. Отвертка, конечно, нашлась – пока ты не научился виртуозно отщелкивать языком полный набор команд, в виварий тебя дежурить без отвертки не пустят. А когда научишься – все равно. Не положено. В хозяйстве Павлова была предусмотрена любая мелочь, даже прикушенный язык и севшая батарейка в «дистанционке»... И сегодня «кошкин дом», оставшись без заведующего, будет работать штатно, ведь неотложные вопросы закрыты еще вчера, проведен обход лаборатории с детальным осмотром и раздачей указаний, а заместитель надлежащим образом проинструктирован и исправно бдит.

Почему у него при таком образцовом порядке далеко не всегда что-то путное выходит, а гораздо чаще не выходит ни черта, завлаб и сам не понимал.

Павлов достал пачку жевательной резинки, оторвал кусок фольги, вскрыл один из пультов, фольгу вставил между батареей и контактами, пульт собрал и разложил «дистанционки» по разным карманам.

– Вынимать из кликеров питание – не наш стиль, – сообщил он лаборанту. – А зачем обесточивать, это ты потом спроси у опытных старших товарищей. Которые хоть раз ходили с заказчиками на показы. Или просто в Декларацию прав животных загляни. Там черным по белому написано, когда можно кошек мучить, а когда нет.

Дежурный обалдел целиком и полностью. Настолько, что

забыл спросить пропуск на «десятку» – пришлось завлабу самому об этом вспомнить и ткнуть бумажку несчастному под нос, чтобы тот записал номер в журнал.

– Расчетное время прибытия... – прочел лаборант из журнала.

Павлов оглянулся на Катку. Та сидела рядышком, пребывая, судя по умильному выражению морды, в абсолютном довольстве. Завлаб понял: сегодня он с кошкой просто так не расстанется. Уж раз подфартило – напользуется всласть.

Да и кто его знает, как все обернется – может, им общаться ровным счетом день осталось.

– Пиши двадцать один, – сказал завлаб.

Вышли они из корпуса стильно: впереди Павлов, за ним, почтительно выдерживая дистанцию, красавица «десятка» с объемистым пакетом в зубах – дневной рацион, набор гребней, мусс для укладки, парадный ошейник.

Внешняя охрана «кошкиного дома», ни разу еще не видевшая трехцветки, принялась сверкать глазами, охать, ахать и постанывать. Наблюдая реакцию матерых вооруженных дядек, Павлов в который раз убедился – он сделал вещь. Настоящую, без дураков. Может, этим и надо было с самого начала заниматься? Растить животных, несущих радость людям? Да, но кто бы ему дал разработать столь потрясающее изделие, не будь оно изначально боевым...

– Это для самых примерных мальчиков, – величественно процедил завлаб, предъявляя охране Каткин пропуск. –

Чтобы получить такую игрушку, придется вести себя на пять с двумя плюсами.

– Кого я должен застрелить? – с готовностью отчеканил старший поста, щелкая каблуками.

«А ведь рыжики, в принципе, отличный коммерческий продукт. Взять, что ли, Шарика за холку, раз он теперь зам по производству, сесть вдвоем, составить калькуляцию, и с ней – к директору? Мол, дайте год времени и денег на запуск новой серии – я вас озолочу? И мне плевать, зачем вы заказывали гражданскую версию, а потом обрадовались, когда я ее слил. Я все равно сделаю рыжиков, и вы еще поблагодарите меня. А?»

– Камуфляж-то африканский! – заметил один из бойцов. – Для саванны в самый раз.

– Ярковат, – усомнился старший и вопросительно глянул на завлаба.

«Ох, не сумею, – думал Павлов. – Не мое это. И вообще... Поговорю с министром, все и образуется. Только Бондарчук разозлится, что прыгнул через его голову. А как я ему объясню ситуацию за полчаса?»

Да генерал просто не выпустит Катьку из машины! Экспериментальным образцам НИИПБ путь на волю заказан. Тут вам не автоматы-пистолеты, у нас и готовая-то продукция иногда завтракает товарищами старшими офицерами... Ладно, потом вручу Бондарчуку бутылку, которую сэконо-мил на Шарике».

– Это декамуфляж, – симпровизировал Павлов. – Полицейский вариант. Честные граждане видят издали и радуются, а негодяи в страхе бегут.

– Я очень радуюсь, – заверил старший. – Просто душа поет.

Павлов хотел было приказать Катьке на прощанье раскланяться, но сообразил, что шоу повторится один к одному через несколько минут на выездном КПП, и передумал. Вскрылась негативная сторона обладания красивой и редкой вещью – повышенное внимание окружающих.

Водитель, увидев Катьку, чуть-чуть приопустил стекло и неожиданно севшим голосом прохрипел в образовавшуюся щелочку:

– Умоляю, не пускайте это на сиденье!

– Да оно и не поместится. Сядет в ногах. Не беспокойтесь, когти втянуты. А шерсть я соберу.

Водитель укоризненно покачал головой. Наверное, не поверил.

Бондарчук, похоже, успел отдышаться и прийти в себя – встретил он завлаба обычным своим начальственным-покровительственным взглядом и вопрос задал в излюбленном ключе да соответствующим тоном.

– Слушай, дорогуша! – первым делом выпалил генерал, когда Павлов открыл дверцу. – Еще с того раза хочу спросить – не слишком ли яркий окрас для Африки? И вообще, почему именно такой? Это могут принять за намек. Или ты

ее нарочно расписал под золотую осень?

Павлов, рассмеявшись, пропустил Катьку в салон, и та сама, без приказа, устроилась у перегородки. Там были места для откидных сидений, как раз улечься рыжику.

Пришлось опять нести ахинею про декамуфляж. Впрочем, идею Павлов счел разумной, запомнил и отложил на потом. Ее просто нужно было грамотно обосновать.

– Широко мыслишь, дорогуша, – оценил Бондарчук. – Далеко глядишь. Полицейский вариант, м-да... Если министр об окраске спросит, ты что-нибудь поумнее соври, ладно?

– Хорошо, я скажу, что это гражданка, – предложил Павлов.

– Какая?! Вообще дурак? Не смей и думать! Изделие только с испытаний пришло, а они, видите ли, уже гражданскую версию готовят... Знаешь, дорогуша, меня терзают сомнения. Может, пока не поздно, вернуть твою зверушку обратно в клетку, а?

– Она тебе не нравится? – удивился Павлов. Ему даже не пришлось играть, он изобразил на лице недоумение вполне искренне.

Генерал посмотрел на Катьку и впал в глубокую задумчивость. Завлаб подался вперед и начальственно постучал по черной шторе.

Машина поехала. Катька хотела глядеть в окно, но сдерживалась, а генерал, судя по выражению лица, боролся с желанием задушить кошку в объятьях. «Волга» затормозила у

будки КПП.

Бондарчук достал удостоверение. Въехать на территорию института было довольно просто, выехать без приключений – нереально. Даже Шаронов бросал машину на внешней стоянке. Однажды его угораздило охранникам нахамить, а те в ответ повысили бдительность, развинтили ему полмашины и ножовкой распилили насос на предмет изыскания в цилиндре краденых секретов. Шаронов убежал жаловаться, а когда вернулся с замом по режиму, КПП был весь в пене – огнетушитель попробовали распилить тоже. Поскольку обошлось без жертв, зам по режиму засчитал ничью и предложил конфликтующим мировую («Согласитесь, доктор, что все хороши – и они кретины, и вы, простите, идиот...»), а Шаронов с тех пор «Мерседес» оставлял за воротами и до «псарни» шел пешком.

Конечно, министерскую «Волгу» на КПП потрошить не осмелились, только заглянули в багажник и салон. Катька и тут произвела сильное впечатление, но Бондарчук ревниво взрыкнул на любопытствующих и посоветовал им нести службу. Ворота открылись. Павлов достал из кармана «ди-станционку».

– Значит, так. Это стандартный кликер для полосатика, ты его знаешь, но я все равно обязан тебя проинструктировать. Гляди. Настоящая важная кнопка – красная, остальное все блеф. На кнопке предохранитель от случайного нажатия. Сдвигается так. Теперь задвигается. Держи. Нажми вот эту

желтенькую с ухом, подай команду «внимание на меня». Катерина тебя помнит, но ей не вредно будет.

Бондарчук осторожно придавил желтую кнопку с пиктограммой «ухо».

Пульт издал короткий щелчок, не очень приятный для слуха, совершенно искусственный, вымученный, будто кто-то очень постарался изобразить на синтезаторе звук абсолютно неземной природы.

Катька с непередаваемой кошачьей грацией – стремительно, но в то же время плавно – обернулась к генералу.

– И? – спросил Бондарчук таким же подсевшим, как недавно у водителя, голосом. Только генерал – видно было – не с перепугу осип.

– И! – передразнил завлаб, вынимая у него из руки пульт. – Чеши за ушами, пока разрешаю!

Уговаривать генерала не пришлось.

– Как же она тащится, зараза... – приговаривал Бондарчук. – Как вкусно у нее это получается!

Павлов не стал объяснять, что от его собственных прикосновений Катька просто впадает в нирвану. Оказался занят – под шумок менял пульты. Институтские всегда так делали на показах, надеясь защитить своих подопечных от зряшной блокировки. Начали, не сговариваясь, после того, как один высокий чин, развлекаясь, несколько раз кряду нажал ту самую «настоящую важную кнопку», и пару изделий просто не удалось вывести из ступора. А уж сегодня дотошный зав-

лаб хотел исключить любую случайность, даже самую нелепую. И каким бы милым и интеллектуальным ни старался выглядеть генерал-майор Бондарчук, его не «держали почти за своего» в НИИПБ, что бы куратор себе ни воображал на этот счет.

С этим парадоксом частенько сталкиваются люди, отдавшие жизнь «оборонке», как в погонах, так и без. Гражданский с военным могут вместе срубить дерево, разрушить дом и отвратительно воспитать сыновей, но все равно каждая сторона подсознательно считает другую чуточку недоделанной, а потому требующей присмотра и не заслуживающей полного доверия.

– Павлов, а Павлов, – позвал Бондарчук. – Хочу, дай!

– На, – завлаб протянул генералу неисправный кликер.

– Ты не понял, дорогуша. Хочу такую кошку. Серьезно.

«Отлично, – улыбнулся про себя Павлов. – Теперь про-
вернуть тот же фокус с министром, и дело в шляпе».

– Придется очень хорошо себя вести!

– Допустим, на смертоубийство я не пойду, – ответил Бондарчук в тон завлабу, – но украсть чего-нибудь согласен! Чур, совсекретные документы и ядерные боеприпасы не заказывать.

– Пролоббвируй гражданку, – мигом среагировал Павлов. – Получишь такую же Катюку бесплатно, в подарок от института. Сам ее настрою, оттестирую, дам личную гарантию. Ну правда, замолви там словечко. Кто твой прямой на-

чальник – зам по вооружению? Мы и его с Катериной познакомим, сегодня же...

– Слушай, что ты прицепился к этой гражданской версии? Зачем она тебе? Откуда такие странные фантазии, а, дорогуша? – с подозрением спросил Бондарчук. – Чует мое сердце, чего-то я не знаю. Угадал?

– Да тут у нас в крысятнике случилось ЧП, – попробовал отшутиться Павлов. – Сбежал прототип. Весит пять кило, зубы что бетонные гвозди, и программа у него, как на грех, не боевая, а рабочая, самца-осеменителя. Теперь населению понадобятся очень большие кошки!

Завлаб щелкнул языком – ничуть не хуже «дистанционки» – и поманил Катку к себе. Усадил, сказал: «Гляди в окно, привыкай», достал из пакета гребни и баллон с муссом. И принялся готовить кошку к представлению.

– Когда тебя уволят, сможешь устроиться кошачьим парикмахером, – буркнул генерал, наблюдая за быстро снующими руками, под которыми Катка на глазах преображалась из просто красивой большой кошки в выставочный экземпляр. – А теперь, дорогуша, сдавайся. Это что?

– Ка десять эр десять, – сказал Павлов, обирая со щетки счесанную шерсть. – Экспериментальный образец на платформе изделия «Клинок». Прошел все необходимые тесты, чтобы считаться предсерийным. Описание: кот домашний акселерированный модифицированный с обрезанной задачей. Относительно базового «Клинка» несколько суше кон-

ституция. Поднята верхняя граница возбуждения, расширены допуски на принятие решений, но общая автономность, напротив, ограничена путем включения дополнительных механизмов эмоциональной зависимости от проводника. Сужена полоса пропускания внешней информации – поставлены фильтры на обоняние и слух. Доложил старший конструктор доктор Павлов!

Образец ка десять эр десять, тихо урча, смотрел в окно, иногда чуть поворачивая голову и поводя ушами. Похоже, он был счастлив.

– Кошка городского боя? – предположил Бондарчук.

– Да черт ее знает, что она такое! – выпалил завлаб от всей души. Он до того заврался за последние дни, что становился противен себе. Павлов с раннего детства предпочитал говорить только правду. Или уж молчать.

– Ты описал именно городскую кошку, дорогуша. Полицейскую. Дело хорошее, но мы такого не заказывали. А кто тогда?

– Да никто...

– Павлов! В глаза смотреть! Вы чего, биотехи фиговы и биомехи хреновы, налево работаете?!

– Сдурел?! Как мы сможем что-то сделать в обход министерства?! Это чисто организационно не-воз-мож-но! Директор ведь объяснил тебе – мы экспериментируем! Творим, выдумываем, пробуем. Вот, что выросло, то выросло – Катька. Пожалуйста, не умножай сущностей без необходи-

мости! – попросил Павлов. – Дорогуша!

– Что, опять слова-паразиты?.. – Бондарчук заметно смутился. – Значит, нервничаю. Понимаешь... Это я чтобы не материться. Начинал-то строевым, школа суровая. Виноват.

– Однако... Сочувствую!

– Мне иначе придется следить за речью, а когда постоянно себя подслушиваешь, голова потом болит, – виновато признался генерал. – У меня уже в министерстве прозвище «Дорогуша»...

– ...и не только в министерстве!

– Догадываюсь. Но согласись, это лучше, чем если бы я через два слова на третье вставлял «бля» и «нах»!

– А хочется? – доверительным тоном спросил завлаб.

– Не подъелдыкивай, интеллигент такой-сякой! Чистый двоечник, родной литературы не знает совершенно, а туда же! Культуре меня учить! Да я... Да ты... Послужил бы, как некоторые, десять лет в самых холодных краях и столько же в самых жарких странах!.. Вообще хорошо устроились такие, как вы с Шариковым, – присосались к Министерству обороны, а службы и не нюхали. Нет, ты же понимаешь, я ученых глубоко уважаю...

– Вот если будет сбой, посмотрим, чего стоит твое глубокое уважение.

– А он будет? – вкрадчиво поинтересовался генерал.

– Теперь об этом лучше спрашивать главного технолога завода. Хотя принципиально в «Клинке» сбоить нечему.

Обычный кот, только с обрезанной задачей и немного подправленный физически. Просто и надежно. Как по учебнику. «К-10» иначе не делает, я же биотех классической школы.

– А почему тогда у Шарикова сбоит? Потому что он – биомех?

– Его фамилия Шаронов.

– Никогда бы не подумал.

– Пить надо меньше.

– Спасибо. Учту на будущее. К чему это ты?

– У Шаронова засбоило, потому что вашего главного инспектора всю ночь поили, дабы был поговорчивее. И с утра крепко похмелили, – объяснил Павлов. – По большому счету Шаронов ни в чем не виноват. Другой разговор, что «Тиски» – это тихий ужас. Но если вникнуть в их функции, окажется, что псы тоже не виноваты. У пьяного меняется водный баланс в организме, и он перестает человеком пахнуть. Выглядит как человек – если выглядит, конечно, – а пахнет неправильно. Теперь представь: раз обычная собака может цапнуть собственного пьяного хозяина, чего было ждать от «Тисков», когда к ним сунулся с нежными объятьями какой-то человекоподобный объект? Съедобный... А комплекс, с вечера не кормленный, только что отработал сложнейшую программу и теперь ждет не дожидается поощрения...

– М-да, пах инспектор совершенно неправильно, – кивнул Бондарчук. – Главное, я не смог вмешаться, когда его вечером на шашлыки увозили. Он же сам меня в министерство

услал. Приезжаю утром, и...

– Ну и не казись, – посоветовал Павлов.

– Да я не казнюсь. Просто знаешь, дорогуша, я когда служил рашен милитэри специалистом в Гвинее-Бисау, мы на большую рыбу в море ходили. И однажды нам показали, как акулы друг дружку жрут, это у местных шоу для приезжих. Так я тебе скажу. Акула даже на фоне «Рубанка» бледно выглядит. А против «Тисков» она вообще херня на постном масле. Я потом целый год собак боялся. Пуделя увижу и столбенею весь. Думаю – а не потрудился ли над ним твой приятель? Ка-ак он сейчас жвалы свои разинет... Тиски, блин... Инспектор, конечно, тоже хорош гусь, целоваться к собачкам полез. Шариков чего-то вякнул, типа «стой, дурак», а они уже бац – и стиснули. В момент. Тьфу! Не поверишь, я блевал. Да-с. А ведь если трезво подойти... – Бондарчук невесело хохотнул. – Не случись того конфуза, имели бы мы сейчас роскошную экономию на охране складов и баз. Хотя... Ну его к черту. Больно страшно. Когда две огромные псины, да еще разных пород, работают вместе и совершенно автономно, без намека на проводника – это, согласись, перебор. Как вы так исхитрились-то?

– А я знаю? Шарик очень талантливый. Но его постоянно заносит.

– Извини, дорогуша, только не производит он впечатления одаренного ученого. Самовлюбленный нахал и грубиян.

– Талантливые все с закидонами. Это еще хорошо, что

он большого роста. Уродился бы маленький, с ним бы сладу не было вообще... Послушай, так я не понял, министерство планирует всучить каждому солдату по «Клинку»? Чисто советский перегиб, ребята. Головокружение от успехов. Ой, не советую.

– Каждому не дадут. Для поднятия боевого духа одного кота на пехотное отделение уже довольно. Хотя чем больше, тем лучше. И конечно, спецподразделения тоже будут. Все уже посчитано, у министра на столе проект лежит. Хорошую зверюгу ты вырастил, Павлов. Только кормежка дорогая.

– Будете кормить дрянью, снизится гарантийный срок.

– Ну, это лучше обсуждать с главтехом завода, верно? Как ты посоветовал.

Павлов вздохнул. Ничего уже от него не зависело. Когда обсчитывали рацион, оказалось, что корм даже при промышленных объемах выйдет дороже, чем хотелось бы военным. От «Клинка» требовали уникальных боевых свойств, лаборатория их обеспечила, но закон сохранения энергии в отдельно взятом животном никто не отменял. Полосатики любили качественное горючее. Если бы Павлов знал, как запихать в кота многотопливный дизель, – ей-ей, сделал бы не раздумывая. Всем стало бы легче, главное – «Клинкам».

Конечно, эта проблема будет решена. Завлаб представил, какими помоями начнут потчевать несчастных полосатиков, когда тех станет по-настоящему много, и поежился. А потом начнутся жалобы, мол, кошки бегают медленно, прыга-

ют невысоко и в ночном дозоре оглушительно пукают, демаскируя своих. И понеслась... Сначала возьмут за хобот заводских биотехов, те переведут стрелку на «К-10», лаборатория справедливо обвинит производителя корма, но, пока удастся это доказать, нервы истреплются немерено. Павлов уже будет на пенсии, заслуженный и почтенный, отплюется от поклепов и наветов. А полосатикам-то давиться всякими отходами, мучаясь изжогой и отрыжкой, – за что?

«На пенсии, на пенсии...»

– Зачем Голованова в обезьянник вернули? – спросил Павлов жестко.

Бондарчук оторопел.

– Его ведь с тобой согласовывали, – напирал завлаб. – Чего опять затеяли, поджигатели войны? Давай, откровенность за откровенность. Дорогуша.

– Уфф... – Генерал заметно расслабился. – Я грешным делом подумал, у тебя к нему личные претензии. Да фигня, чистая благотворительность. Голованов внучку замуж выдаст, хочет ей иномарку подарить, вот его и пристроили консультантом, чтобы имел право ссуду взять. За былые заслуги. Кому он сейчас нужен, мать его йети?

– Ну-ну... – буркнул Павлов. – У деда, знаешь ли, такие связи наверху... По старым дрожжам. Он, если очень захочет, собственный институт выбьет.

– Чего ж не выбил? Дорогуша, ты из своего любимого НИИ По Барабану совсем не видишь перемен. За забором

новая страна, и порядки в ней тоже новые. Последние два президента крепко поработали над этим. В России больше не занимаются ерундой. Здесь можно реализовать самый дерзкий проект, но придется грамотно обосновать его. Что может предложить армии Голованов? Очередную северную гориллу? Арктического шимпанзе? Партизанского бабуина? Гамбрила-подрывника?..

Павлов неопределенно шевельнул бровью. Возвращение Голованова на государственную службу, по общему мнению, ничего хорошего предвещать не могло. В невозбужденном состоянии Голованов был славный дядька. Но по критическим дням превращался в такого очевидного и гиперактивного психа, что становилось просто неловко. В моменты помутнения рассудка дедушку осеняли великие идеи, он с ними прорывался к министерскому начальству и задавал «обезьяннику» бешеное ускорение, которого хватало потом на годы. Фактически Голованов лабораторию сгубил, но та все жила, как бы сама по себе, эдаким королевством в королевстве. Директор к старику не заходил, старался не привлекать к совещаниям, а на вопрос, чем вообще занимается трехнужное подразделение и не пора ли дать Голованову пинка под зад, ответил просто: считайте эту тему закрытой. Не в смысле прекратившей существование, а для вас закрытой... «Обезьянник» исправно получал деньги, чего-то алхимичил, иногда даже выводил на полигон каких-то ужасных питекантропов и кому-то что-то докладывал наверх, через голову

директора. Или делал вид, что докладывал... Избавиться от неуправляемого завлаба – мать его йети – удалось относительно недавно, в период реорганизации НИИПБ. Сделал это новый шеф, заработав репутацию человека со связями круче головановских.

Потом выяснилось, что сворачивать работы по теме никто не собирается.

Парадоксально, но рейтинг шефа еще подскочил.

– А ведь не доверяешь ты нам, Павлов! – совершил открытие генерал, внимательно наблюдавший за душевными терзаниями завлаба. – Это как же, дорогуша?

– Тебе никогда не кажется, – медленно и негромко произнес завлаб, – что все устроено... неправильно? В системе? Вроде бы и порядок, и контроль, и условия обсчитаны по уму. Но... Вдруг приходит ощущение, будто не те люди занимаются не тем и делают это не так?

Бондарчук раздраженно засопел.

– Дай-ка мне твой доклад почитать, – сказал он.

– На. – Павлов вытащил из-за пазухи мятую пачку листов. – Вообще забирай, я доложу по памяти. Так получится убедительнее.

– Смотря для кого, – буркнул генерал, цепляя на нос очки в дорогой золотой оправе. – Некоторые как увидят человека, способного выступать без бумажки, тут же делают стойку на чужака. До сих пор у нас таких полно...

Павлов протянул руку и погладил могучий Катькин загривок.

вок. Кошка повернула голову и улыбнулась.

Сразу показалось легче и приятнее жить.

* * *

Машину удалось подогнать вплотную к павильону, где проходила «теоретическая» часть представления. «Делаем цыганочку с выходом, – распорядился Бондарчук. – Отсиживаешься до упора, потом я тебе звоню на мобилу, вы с Катериной заходите и рвете с места в карьер. Теперь по докладу. Текст хороший, но я бы советовал полицейские возможности „Клинка“ не выпячивать и насчет работы на границе тоже... Не слишком. Объяснять, почему, я надеюсь, тебе не надо?» – «Потому что это изделие министерства, и вы сами разберетесь, с кем делиться, а кому хрен в зубы». – «Ориентируешься правильно. Ну, ни пуха».

Павлов чуть ли не с наслаждением послал генерала к черту, покопался в регулировках сиденья, откинул спинку, вытянул ноги и закрыл глаза. Он почему-то страшно устал за эту поездку. А ему ведь еще выступать.

Катка тут же почувствовала его состояние – бросила глазеть в окно, деликатно потопталась рядом, ища, как бы ловчее пристроиться, влезла на сиденье, осторожно уложила тяжелую голову Павлову на грудь и принялась тихо урчать. Павлов благодарно приобнял кошку и подумал – вот бы сейчас заснуть к чертовой матери. И проснуться сотруд-

ником нормальной фирмы, выращивающей нормальных кошек. Отчего-то эта глупая несбыточная мечта накрепко засела в голове. Десятки лет даже и не мелькала, но в последние месяцы вдруг начала оформляться, потом зудеть, а теперь – чуть ли не мучить.

Завлаб приоткрыл один глаз. За тонированным стеклом мельтешили военные. «И вот так всю жизнь. Почему я раньше не замечал этого? Бегают вокруг, суетятся... Думают, что решают важнейшие проблемы мироустройства. А сами – то на снежного человека фонды выделяют, то в боевого клопа инвестируют. Шарлатанам верят, а иногда даже используют их, чтобы украсть денег. И какое место в этой системе занимаю я? Чего добился? Сколько моих разработок оказалось не к месту, не ко времени, осталось в бумаге, не продвинулось дальше опытных серий? Шарик гордится, что больше всех лажался и пролетал. Так он и делал зато! Ну, зачастую ерунду всякую, монстров, и вообще, его любимая биомеханика – модное поветрие, тупиковая ветвь, скоро изживет себя. Но мне-то даже пролетать толком не случалось! То сам тормозил работу, одолеваемый сомнениями, а то сверху грубо обламывали. И на что же я тогда жизнь потратил? Вбухал ее целиком в изделие „Клинок“? Получается, да. Только отчего мне всего милее именно рыжики порченные, а не великолепные полосатики? И здесь все наперекосяк!»

Павлов крепче прижал к себе кошку.

– Песня ты моя лебединая, – сказал он ей. – Не отдам ни-

кому.

Зазвонил мобильный. Катька прянула ушами, отлипла от Павлова и уселась на полу в стандартной позе ожидания приказа. То ли у трехцветки имелся дар краткосрочного предвидения, то ли просто кошка была еще сообразительнее, чем казалась.

– Поставили стол, должен выдержать, – сказал из трубки Бондарчук. – Выдвигайся, через три минуты я хочу тебя видеть в проходе. Тогда сразу объявлю, и ты вступаешь. Пошло время.

Павлов окинул Катьку придирчивым взглядом, нашел ее вид более чем выставочным, достал из кармана маленький баллончик и, выщелкав языком неведомую домашним животным команду «Спокойно!», пустил кошке струю вдоль хребта. В машине запахло типично женским, сладким и будоражащим воображение.

Катька то ли хрюкнула, то ли хмыкнула, то ли подавила желание чихнуть. А может, желание крепко выругаться.

– Ты – девочка, тебе должно нравиться, – непререкаемым тоном заявил Павлов. – Тем более, это не покупное, а эксклюзив от «К-10», специально для рыжиков химичили, дамы наши пропахли насквозь... Терпи. Надо. Пур этр белль иль фо суффрир¹. Вот. Кажется, так... На фортепьянах он играет, видите ли! Какого-то Даниила цитирует. Пижон. А по-

¹ Pour etre belle ill faut souffrir (*фр.*) – Красота требует жертв. В прямом переводе – «Чтобы стать красивой, надо терпеть». (*Здесь и далее примеч. авт.*)

французски слабо вам, товарищ генерал?!.. Черт его знает, наверное, не слабо... Ладно, Катерина, наш выход.

Он спрятал баллон, несколько раз глубоко вдохнул, про-
бормотал «С Богом!» и потянул дверную ручку.

Вокруг павильона был чистый сухой асфальт, это радова-
ло. Не хватало еще представлять министру изделие с мокры-
ми лапами.

Спецназовцы, караулившие павильон, на Катьку так вы-
таращились, будто это была не кошка – ну, здоровая, да, –
а какая-нибудь сексуальная бомба. Павлов скосил глаза на
свое «изделие» и слегка ошалел. Катька шла, как модель на
подиуме – ножка за ножку и хвост трубой.

Нет, после фокуса с вороной завлаб от «десятки» готов
был ждать чего угодно. Только не настолько. Это уж выгля-
дело слишком по-человечески. «Завтра же голову ей под ска-
нер. Глядеть, что там происходит с чипом, не образовалось
ли новых связей... Если оно у Катьки будет, это завтра».

– А теперь от научно-исследовательского института при-
кладного биоконструирования... – объявил впереди Бондар-
чук.

Так они и вступили в павильон, именно что вступили.
Павлов тихонько отщелкнул «продолжать движение», выпу-
стил Катьку вперед и перенес внимание на ряды.

– ...выступит главный конструктор изделия «Клинок»,
доктор биотехники, заведующий лабораторией...

В павильон набилось очень много людей в погонах, зав-

лаб с кошкой шли по узкому проходу между рядов кресел, и Павлов видел – Катька будто волну за собой тянет. Военные, как по команде, поворачивали головы и заметно глохли: Бондарчук вещал в пустоту. «Никто мою фамилию не запомнит, потому что просто не услышит, – подумал Павлов. – Да к черту. Главное, вся эта братия уже видела полосатиков. Но вот им рыжик – и оцените результат!»

Впереди полстены занимал широкоформатный плазменный монитор, висел стенд с какой-то схемой – это хозяйство Павлова не интересовало, ему нужен был правильный демонстрационный стол. И Бондарчук достал-таки то, что надо. Стол невысокий, длинный, прочный на вид, метрах в двух от первого ряда, так, чтобы до министра самую малость доносился вкусный запах кошачьего одеколона.

Катька шествовала, ряды тихо бурлили. Пару раз до Павлова долетели слова «африканский камуфляж», и завлабу стоило определенного труда не соорудить недовольную мину.

– Вам слово! – произнес знакомый голос. Павлов уже думать забыл про Бондарчука, а тот усаживался в первом ряду, неподалеку от министра, и украдкой прятал руку в карман. Сам министр смотрел на Катьку, лицо его было непроницаемо и этим выделялось среди множества радостно-удивленных.

«Актерствует, – решил Павлов. – Старшим начальникам положено выглядеть суровыми, вот и... Не буду напрягаться.

Работаем». Он щелкнул «внимание на меня» и тут же, не поднимая руки, одной кистью отсигналил направление.

Катка шагнула на импровизированный пьедестал неподражаемым царственным движением. Стол выдержал. Кошка на секунду приняла выставочную стойку – павильон огласил сдавленный многоголосый стон – и уселась, развернувшись к публике носом. Села точь-в-точь как научил вчера Павлов, обвив длиннющим хвостом лапы, отчего толстоватые подставки (ну, прав был Шаронов, всегда он прав) скрылись из вида. А хвосты у «Клинков» были заметно длиннее, чем у простых кошек. Не от хорошей жизни, конечно, – попробуй закрути такую плюшку, когда она атакует, а жертва зайцем прыгает в сторону... Тигр или лев может просвистеть мимо, его проблемы. Для армейского кота второй заход на цель непозволительная роскошь.

Убьют.

– Товарищи, – сказал Павлов просто, – наша фирма представляет изделие «Клинок».

* * *

– Разработка уникальная, аналогов не имеет. За рубежом организмы этого класса обобщенно называют «бай-мек», хотя какая-либо механика в них отсутствует напрочь... – Павлов криво улыбнулся и заработал несколько понимающих кивков в ответ. – Просто термин удобный, вот и прижился.

Сразу оговорюсь – российская наука под «бай-мек» понимает узкое и, так сказать, авангардное направление в биоконструировании. «Клинки» никоим образом не баймекс, они не продукт глубоких направленных мутаций, а построены, что называется, по классике. И мы используем совершенно конкретное определение этой схемы: биоробот. Наши изделия – генетически улучшенные животные с кремниевым чипом, модифицирующим поведение. Что дает на выходе надежность – раз, управляемость – два, и никаких, товарищи, фокусов!..

Павлов слегка улыбнулся: судя по реакции публики, его намеки поняли. Он и не думал топить Шаронова – впрочем, с этой задачей не справился бы, пожалуй, даже ракетный крейсер, – просто завлаб вел себя естественно и говорил правду. После всех обманов это было весьма приятно. И вообще, грешно биотеху не пнуть биомеха хотя бы походя. Слишком они, наглые, откровенно в лидеры рвутся. Того и гляди, все финансирование на себя оттянут. А толку с них реального – что, охрана складов и один похмельный генерал, заживо съеденный?

– Итак, «Клинок». – Павлов коротко глянул на Катьку, та застыла в абсолютной неподвижности и вроде бы дремала. – Рост в холке до восьмидесяти сантиметров, вес до килограмма и двух десятых на сантиметр роста. Крейсерская скорость по тяжело пересеченной местности не ниже двадцати километров в час, на относительно ровных поверхностях трид-

цать. Скорость атаки около шестидесяти, на коротких отрезках семьдесят, при взрывном реагировании – до ста. Правда, разогнанный до сотни «Клинок» не сможет уклониться от выстрела, направленного по оси атаки, но вы попробуйте в него попасть. И вообще – успеете сделать хоть что-нибудь, когда он выпрыгнет...

Опять кивки. Только министр по-прежнему Катьку рассматривал, правда, уже не с каменным лицом. Он то морщился, то жевал губу. Павлову это очень не понравилось – что-то здесь было не так, – но завлаб приказал себе переключиться и говорить дальше.

– Для нейтрализации противника изделие применяет несколько схем, варьируемых по обстановке. «Клинок» может нанести единичный смертельный удар в наименее защищенный участок тела. А может – шокирующий удар по голове или в пах с последующим испариванием горла. Если горло закрыто воротником бронежилета, изделие либо просунет коготь под воротник и разорвет глотку, либо обхватит голову передними лапами и попытается отвернуть ее... Да-да, именно отвернуть, это так выглядит. В самом трудном случае у противника будут вскрыты две-три доступные артерии. Человек просто с оружием, но без брони не представляет для «Клинка» проблемы, он будет уничтожен за доли секунды.... – Павлов выдержал многозначительную паузу и добавил: – Разумеется, если не дана установка на задержание живьем. Правда, есть особый случай – при взрывном ре-

агировании «Клинок» наверняка убьет свою цель. Взрыв активности происходит, когда изделие защищает хозяина, не подозревающего об опасности, или не успевающего что-то предпринять, или лишенного такой возможности. Допустим, рядом со мной «Клинок»... – Павлов шагнул к Катке и положил ей руку на плечо. Кошка не шевельнулась, продолжая глядеть перед собой.

– ...а некто подходит сзади и пытается ударить меня по голове. Или выхватывает пистолет. «Клинок» гарантированно оторвет нападающему руку по самое плечо. Не думаю, что после такого враг опасен, хотя вам, конечно, виднее...

В более свободной обстановке Павлов сорвал бы этой репликой короткие деловитые аплодисменты. В павильоне собралась публика, хорошо знающая, что бывает, когда тебе чего-нибудь оторвут.

– Основная функция «Клинка» – минимизация человеческих потерь с нашей стороны. Изделие разработано для того, чтобы его хозяин, проводник, управляющий модуль – называйте как хотите – не лез без особой нужды под вражеский огонь. В то же время «Клинок» гораздо больше, чем защитник и средство поддержки. Уникальные свойства изделия позволяют ему выполнять задачи, для человека трудновыполнимые или невыполнимые в принципе. «Клинок» можно пускать без сопровождения на диверсионные операции, в разведку и дозор, а что особенно ценно – на свободное патрулирование. Дайте изделию команду прикрыть некий уча-

сток, и оно будет на нем работать, пока не отзовете или пока его не застрелят, что проблематично... Наконец, пока на участке не кончится пища. Изделие через сутки переходит в режим самообеспечения и поедает в своей зоне ответственности все – кроме людей и других изделий нашей фирмы. То есть можно его кормить и мертвыми «Клинками», и человечины, но вам придется разделать тушу и давать изделию куски мяса. Такая вот страховка – понятно, зачем...

Да, товарищи военные понимали, зачем. Людоед всегда людоед, даже если он бьется за правое дело. Нормальная реакция человека на людоеда – поскорее его грохнуть.

– Автономно «Клинок» в самых тяжелых условиях продержится год без изменений по психике. Вы ушли, через двенадцать месяцев вернулись, а изделие встречает хозяина довольным мурлыканьем. Год мы строго гарантируем. И в любом случае будет работать код блокировки. На эту команду пожизненная гарантия, даже если изделию отстрелят уши. Если оно вообще оглохнет, ну... При малейших сомнениях в лояльности изделия – пристрелите его, и дело с концом! Дайте очередь в затылок. Впрочем... – Павлов огладил Катьку, – это крайность. Чтобы «Клинок» начал давать сбои, нужно редкое сочетание повреждений, вряд ли совместимое с жизнью. Мы считаем, что, пока изделие дышит, оно будет вас слушаться. Слепое, глухое – унюхает хозяина. Это характерная черта отечественного биоробота – полная безопасность для пользователя...

В рядах призадумались. Наверняка – вспоминая недоброе. Едва заметно покачал головой Бондарчук. Завлаб про себя помянул грубым словом Шаронова, «Тиски», биомеханику – и резко переменял тему.

– «Клинок» незаменим, когда нужно снять часового или взять «языка». Конечно, изделие выделяет тепло и может быть таким образом локализовано, но его бесшумность и высокая скорость минимизируют проблемы, стоящие в аналогичном случае перед диверсантом-человеком. Противник заметит изделие, но не успеет ничего предпринять. Также «Клинок» превосходно действует из засады. Причем особая конструкция опорно-двигательного аппарата позволяет изделию занимать позиции, из которых противник нападения не ждет. Как я догадываюсь, полигонная фаза представления включает упражнения, которые могут выглядеть цирковыми. Но... Вам ведь не покажут лазание по кирпичной стене?

Повисла короткая пауза. Бондарчук открыл было рот, и тут из второго ряда сказали:

– В программе отсутствует.

– Правильно! – улыбнулся Павлов. – Но если будет очень надо, «Клинок» и это сможет. Лишь бы зазоры между кирпичами позволяли воткнуть коготь. Хотя рекомендовать такие фокусы, как штатный режим, мы не станем. Я, собственно, к тому, что, когда вы увидите вис на задних лапах головой вниз с работой передними лапами по противнику, не считай-

те это клоунадой. Штатная возможность, заданная изначально. Еще один немаловажный момент... – Павлов щелкнул, Катька молниеносно перетекла из сидячего положения в лежачее, подобралась и свернулась в тугой клубок.

Это был эффектный трюк, многие из зрителей сначала непроизвольно дернулись – еще бы, кошка только что сидела полным чучелом, – а потом рты приоткрыли от удивления. Катки стало неожиданно мало. Чересчур.

– Самая компактная боевая машина в истории! – провозгласил завлаб. – Причем «Клинку» в этой позе удобно, он именно так на морозе спит. Ну-ка...

Еще щелчок, Катька вернулась в сидячую позицию и снова замерла.

– Изделие очень устойчиво к болевому воздействию. Устойчивость к проникающим ранениям – по психике отличная, по физиологии хорошая. На внутренних испытаниях образцы прошли обстрел из автоматического оружия стандартных калибров России и НАТО. Можем утверждать: три-четыре попадания с двухсот метров изделие держит без снижения боевых качеств в первые несколько минут. Дальше, если не оказать «Клинку» помощь, все зависит от скорости кровопотери. Тем не менее изделие продолжит работать, пока не упадет. Согласитесь, в условиях боя это решающий фактор. Нацеленность на выполнение задачи вопреки обстоятельствам – принципиальное отличие биоробота от пресловутого биомеха. Злые языки поговаривают, что русские про-

сто не умеют делать баймекс. Вам такое мнение наверняка известно. Ну, во-первых, наша фирма – умеет. Есть целое направление... – Тут Павлов осекся, он ведь чуть не ляпнул «занимающееся собаками». – Во-вторых, мы, выполняя заказ министерства, планировали на выходе модель с психологической надежностью, доведенной до абсолюта. Может быть, увидите сегодня, как один-единственный «Клинок» замучает танк... Да?

– В программе есть, – подтвердили из второго ряда.

– ...под артиллерийским огнем. Хотя это лучше смотреть на видео.

– На видео и будет. Здесь покажем.

– Почему? – ожил министр. – Извините, что перебиваю.

Он говорил таким же льдистым голосом, как директор института. И одной лишь интонацией сумел выразить неудовольствие тем, что кто-то там сзади твякает, подыгрывая докладчику.

– Прекрасно, – быстро сказал Павлов, – я хотел услышать этот вопрос. Может, командир группы испытателей ответит на него уверенней?

Из второго ряда махнули рукой. Да, это главный испытатель подавал комментарии, Павлов с ним был шапочно знаком.

– В общем, задача «Клинка», простите за выражение, затрахать экипаж до такой степени, чтобы он полез из танка в надежде поразить изделие огнем ручного оружия. Разыграть

это как спектакль – выйдет неестественно. Но есть запись первого контакта танка с «Клинком». Очень впечатляющая. Несчастные танкисты. Там работает одна кошка, и то от нее спасу нет. Если их будет хотя бы две, танк гарантированно слепнет. Побить ему оптику «Клинок» не в состоянии, но заслонить собой – легко. А вокруг снаряды рвутся, и грохот, сами знаете какой, и танк скачет будто в трансмиссию укушенный...

Публика дружно хохотнула.

– Таковы возможности отечественного биоробота разработки НИИПБ. А вот известные нам зарубежные баймекс, – мстительно сообщил Павлов, – были сплошь нестабильны. Я не раскрою великой тайны, если скажу, что франко-британские работы по военным биомехам оказались свернуты после одного занятого казуса. Там у них очень внушительный опытный экземпляр, будучи обстрелянным на показе высокой комиссии, испугался, навалил кучу и удрал с поля. В него даже ни разу не попали. Сами понимаете, разработчик не станет прилюдно вести огонь по изделию, в котором не уверен – а биомех выдал критический сбой. Если кому-то нужен такой боец, можем подсказать адрес конструкторского бюро...

В первом ряду ухмыльнулся замминистра по вооружению – уж он-то завлаба понял лучше некуда, во всех смыслах.

– Задачи «Клинка» чисто оружейные – устранять противника незаметным заходом с флангов и тыла, если надо, ата-

ковать в лоб, а при необходимости закрыть хозяина собой. «Клинок» одновременно и меч, и щит. Такое изделие должно быть умным, но не может быть излишне эмоциональным. Хотя в гамме «Клинков» есть линия, по живости характера превосходящая базовую модель. Это женские особи. Физически самки «Клинка» немного компактнее, легче и гибче. Мы считаем это достоинством. Укомплектуйте подразделение разнополыми «Клинками» – уже через месяц для скрытого наблюдения, действий в ограниченном пространстве, сопровождения целей будут использоваться только самки. Естественный выбор. Если «Клинки» мужского пола сбалансированы хорошо, то самки – отлично. Они уравновешенны, терпеливы и благоразумны. Насколько самец хорош в силовом перехвате и атаке из засады, настолько же самка – в длительном выслеживании и скрытом проникновении. В самках мы сохранили намного больше черт, свойственных исходному материалу. Смею вас заверить, когда придет нужда послать кого-нибудь с депешей через линию фронта, вы оцените наше решение по достоинству. Этот демонстрационный образец, – Павлов сделал широкий жест в сторону Катьки, – как раз самка. Катенька, поприветствуй товарищей...

Катька встала, грациозно махнула хвостом и опять села. Павлов мог бы запросто встроить команды «стоять» и «сидеть» в свою речь, но решил не пижонить и втихаря из кармана пощелкал кликером.

– Обратите внимание на декамуфляжную окраску. Это

не Африка, как некоторые могли решить, а показ наших возможностей по комбинированию цветов, – выдал порцию отсебятины Павлов. – Изделие «Клинок» готово к производству в трех вариантах под разные климатические зоны. Меняется цвет покровов и режим терморегуляции. Любой окрас имеет легкий мимикридный эффект, базовая модель создавалась для работы в поле, но и для городского боя ее камуфляж достаточен. Поскольку когти у изделия втяжные, перемещение по твердым покрытиям бесшумно. «Клинок» не боится высоты, исключительно хорошо лазает, в окно второго этажа запрыгивает практически с места. Еще важный момент – нами разработан и испытан с отличным результатом комплект легкой противопульной брони, совершенно не влияющей на подвижность. На защитной маске есть крепеж под микрофоны и видеоаппаратуру, по желанию заказчика возможна установка штыков, электрошокера и тому подобного оборудования. Теоретически хоть пулемет, хоть гранатомет, даже мину – хотя последнее нерентабельно, но если нужно взорвать крупного военачальника или труднодоступный объект... От себя замечу, что штатных зубов и когтей изделию вполне хватает для решения самого широкого спектра задач. И наконец...

Катка ожила, мягко перетекла со стола на пол и двинулась вдоль первого ряда, вплотную к сидящим – неподражаемой модельной походкой, а что за кренделя она выделявала хвостом!.. Заметно напрягся Бондарчук. И тут Павлову

стало неудобно – министр. «Он ее что, боится?!» – с легким ужасом подумал завлаб.

– Как легко заметить, – сказал Павлов, одновременно подзывая кошку к себе, – перед вами экземпляр в расцвете сил, на пике формы. Реально Катерине чуть больше полугода. Однако это полноценное взрослое существо, физически и ментально. В таком – рабочем – состоянии оно будет оставаться не меньше девяти лет, если использовать корм рекомендованной нами рецептуры. У «Клинка» очень большой запас по выносливости, он умеет экономно расходовать себя, его можно брать в глубокие рейды, причем свой рацион изделие может нести само. Более того, это отменный ездовой кот! «Клинка» охотно тянут волокуши и тележки. Конечно, умнее запустить изделие в передовой дозор, а тяжести доверить людям – устанут, зато живее будут, – но если понадобится... Только ящик снарядов на спину не грузите, больше двадцати килограммов ни-ни. А волоком «Клинок» до сотни потянет. Это еще, кстати, о доставке раненых с поля боя... Благодарю за внимание, товарищи, готов отвечать на вопросы.

– Слабое место – спина? – тут же спросил министр. Тон его Павлову не понравился. Могушественный вельможа будто искал, к чему придраться.

– У слона гораздо слабее, – парировал завлаб. – «Клинок» выдержит четверть своего веса, а на слона не садится больше двух человек – иначе треснет пополам. Но слонами вое-

вали еще когда, и успешно. Кстати! Интересно, а почему до сих пор нет заказа на боевых мамонтов? Мы вообще родина слонов, или где?

Заржали все, кроме министра и заместителя по вооружению – первый сохранил пренебрежительное спокойствие, второй отчего-то надулся, а Бондарчук, смеясь, украдкой показал завлабу кулак.

– Хотя ну его, мамонта, я сейчас представил, сколько он гадит...

Теперь засмеялся даже «оружейник».

– Давайте лучше о «Клинках»!

– Как с ними общаться неспециалисту? – Это Бондарчук вступил с домашней заготовкой. – Вот солдату выдали «Клинок» – и?..

– «Клинок» понимает оговоренный в заказе министерства набор команд. Их примерное звучание уже зашито в чип. Изделию остается уяснить, что голоса людей различны, и сопоставить с командами голос своего проводника. На это уходит день, не больше. Однако такую коммуникацию мы рассматриваем как вспомогательную. Приятно говорить с животным по-человечески, но боевой язык должен быть краток и прорываться сквозь шумы. Поэтому, – завлаб достал из кармана «дистанционку», – к изделию придается электронный кликер, вот такой пульт управления. В идеале проводник должен знать команды наизусть и воспроизводить их без пульта. Ничего трудного, музыкальный слух приветствуется, но не

требуется...

Павлов уселся на стол, чтобы тот паче чаяния из-под Катьки не вылетел прямо министру в лоб, демонстративно поднял «дистанционку» и зажал пальцем сразу пару кнопок.

– Команда «укрытие сзади». Фирменный прием, нормальная кошка ничего подобного не может. Обратное сальто еще сделает, а вот так – никогда.

Кликер хрустнул. Стол издал короткий скрип. Катька непостижимым образом кувыркнулась через голову назад и распласталась по полу.

– Ух ты! – восхитился кто-то в задних рядах.

– Отбой тревоги, – произнес завлаб с нарочитой, почти клоунской ленцой в голосе.

Катька встала и снова запрыгнула на стол. Завлаб незаметно выдохнул. Для чистоты доклада требовалось хоть одно распоряжение дать голосом. Но как раз с этим у трехцветки были проблемы...

Она умела игнорировать голосовые приказы! Или выполнять их издевательски медленно. Или требовать подтверждения. Как обычная кошка, обладающая свободой воли.

В глубине души завлаб подозревал, что Катька и с кликером может побороться. Тесты этого не подтверждали, но вот если будет мощный стресс... Рыжик, способный, проявив редкую изобретательность, уйти в самоволку, а потом отчебучить нечто совсем особенное с вороной – от такого изделия стоило ждать чего угодно.

Как сейчас, например, – изделие сообразило, что это его шоу, и работало безукоризненно. Кажется, даже получало массу удовольствия.

– Вы слышали – интонация не важна, главное, чтобы текст совпал с программой. Это на случай, если у проводника нарушена дикция. Я могу и с закушенной губой, и нос зажав, и как угодно, все равно Катерина поймет, что ей говорят...

– Ко мне! – выпалил министр. Пролаял.

Некоторые военные рефлексивно дернулись. Павлов, тот вообще от неожиданности чуть со стола не упал.

Катя покосилась на министра и презрительно фыркнула.

В гражданской компании это вызвало бы обвал, взрыв хохота. Но сейчас павильон будто обледенел.

– Она же не знает, что вы тут главный, – сказал Павлов очень мягко. – Команда была принята, но отвергнута. Это вопрос безопасности – пока жив проводник, «Клинок» слушается только его. При работе в группе изделие постепенно осознает ее внутреннюю иерархию. И где-то через полгода старший группы сможет управлять всеми приданными «Клинками». Но только в отсутствие их проводников. И... «Клинки» будут тосковать. Они роботы, но живые.

– Извините, – холодно сказал министр. – У вас, похоже, все мелочи просчитаны.

– Мы обязаны, – скромно отозвался завлаб.

– А если проводник мертв?

– При отсутствии четко поставленной задачи изделие будет охранять тело. Около суток. Потом начнет искать своих поблизости, наконец, попробует вернуться в точку базирования. Если «Клинок» уже, так сказать, в подразделении социализирован, он сразу по прибытии найдет старшего начальника или разводящего и переподчинится ему. Пока не получит нового проводника. Конечно, изделие переживет серьезную травму, но работать нормально сможет... Увести осиротевший «Клинок» с переднего края в безопасное место сможет любой наш военный, обладающий кликером или знающий боевой язык.

– Что значит – наш военный? – переспросил министр подозрительно.

– У «Клинка» хорошее зрение и нюх.

– И?..

Павлов на миг задумался, подыскивая слова. Умение полосатиков отличать своих от чужих его самого поражало.

– Наши пахнут и выглядят по-нашему, – объяснил Павлов, как ему показалось, исчерпывающе.

От него по-прежнему чего-то ждали.

– У «Клинка» высокая избирательность. В комплексе она выше человеческой. Если популярно – русского с белым американцем или еврея с арабом «Клинок» даже в полной темноте не спутает. Хотя нации близкие. Но и нюх, повторюсь, хороший.

– Знаем мы, какой у ваших изделий нюх, – сказал министр

в сторону.

– Еще вопросы? – спросил Павлов елейно. Его так и подмывало рывкнуть: «Вы кошек не трогайте, все претензии к теме „Кино“, пожалуйста!» Он уже жалел, что попал на представление. Все пошло криво. Здесь действовали механизмы, о которых завлаб не знал ничего. Своим подчеркнuto холодным отношением к «Клинку» министр наверняка кому-то что-то показывал – только вот что и кому... У них тут были свои разборки, Павлова не касающиеся, но полосатикам и в особенности рыжикам это могло принести вред.

Бондарчук сидел, закатив глаза, и легонько покачивал головой из стороны в сторону. То ли за своих извинялся, то ли завлаба осуждал – непонятно.

– Еврея, значит, с арабом не спутает... – пробормотал «оружейник». – Полезное свойство. На натуре проверяли?

– Компьютерное моделирование показало...

– Ах, компьютерное...

Павлов закусил губу. Описать бы случай с вороной! С чердака потом целую стаю выселили, а трехцветка добыла именно ту. Это с посаженным нюхом! Но вскроется сопутствующее Катькиному подвигу разгильдяйство и утопит НИИПБ глубже некуда.

– Давайте закругляться, – предложил министр. – Благодарю вас, товарищ... э-э...

– Доктор Павлов! – подсказал Бондарчук.

– Павлов, да. Вы свободны, до свидания. Что у нас теперь,

доклад испытателей? Хорошо, перерыв.

– Товарищи офицеры!..

– Вольно, вольно. Перекур.

Военные организованной толпой повалили на выход.

– Мышка бежала, хвостиком махнула... – пробормотал завлаб. – Снесла дедушке яичко. Напрочь.

Катька, будто демонстрируя отношение к происходящему, неприлично раскорячилась на столе и начала вылизывать под хвостом.

* * *

– Бери мою тачку и сваливай в темпе! – прошипел Бондарчук.

Выражение лица у него было, с каким на фортепьяно не играют и о литературе не беседуют. А вот в жарких странах геноцид учинять – с такими налитыми кровью глазами, пожалуй, самое оно. Павлов даже поежился.

– А полигон, банкет?.. – без особой надежды спросил завлаб.

– С тобой попрощались, идиот! Ох, Павлов, дорогуша, ну ты и выступил! Не понял еще? Министр что-то знает про твой образец, мать его за ногу! Я тебя, паразита, даже спрашивать не буду, кто она на самом деле, эта Катька!

– Гражданка, – признался Павлов и виновато шмыгнул носом.

– А-а... О-о... Убил. Без ножа зарезал. Су-у-ка... Расстрелять! Почему гражданка? Откуда? Самопал?!

– Да какой самопал, я что, в арбузной лавке работаю?! Был приказ. Лично директора. Кто ему – не в курсе.

– Зато он, – Бондарчук ткнул пальцем в сторону дверей, – очень даже в курсе, дорогуша. Павлов! Свинья неблагодарная! За что?!

– Директор сворачивает работы по гражданке. А модель удачная, ты сам видел. Я надеялся договориться...

Тут Бондарчук завлаба перебил и в нескольких энергичных фразах объяснил ему, кто он такой и с кем ему о чем положено договариваться.

– В общем, – заключил генерал, – через минуту духа вашего педерастического здесь нету! А я, может, послужу еще... Хотя сомнительно. Ой, Павлов! Убийца... Хуже Шарикова. За что же вы так генералов не любите?!

– Извини, – завлаб покаянно вздохнул. – Мне не повезло.

– Подставляла ты бессовестный! – горько сказал Бондарчук и удалился шаркающей походкой ознакомленного со смертным приговором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.